

~~Его одержимость~~
ВРЕМЯ ВСПЯТЬ
СУМЕРЕЧНАЯ ГРЁЗА

Сумеречная Грёза

Его одержимость-1.

Время вспять

<https://litres.ru/74199914>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кассарион обожает ножи, мотоциклы и космические корабли. В детстве вокруг маленького телепата всегда летали острые предметы. Забавная девочка Джудит — единственная, кто мог обуздать его неуправляемый дар. Она его нянька, друг, и даже дрессировщик но дети вырастают, и Касс неизбежно превращается во взрослого мужчину.

И теперь он смотрит на девушку совсем другим взглядом.

Взглядом, полным одержимости.

Временные порталы, герой становится старше героини

Другая планета и приключения

Диалогия. Первый том БЕСПЛАТНО. Юность героев!

!!! Автор пишет все сам, каждую букву, без использования искусственного интеллекта.

Цикл "Вселенная будущего". Читается как отдельная история.

Содержание

Глава 1. Деловое предложение	4
Глава 2. Собеседование	13
Глава 3. Странный мальчик	23
Глава 4. Рухнувший мир	36
Глава 5. Первое слово	52
Глава 6. Моя	65
Глава 7. Секрет, спрятанный в секрете	77
Глава 8. Верность любви	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Сумеречная Грёза

Его одержимость-1.

Время вспать

Глава 1. Деловое предложение

Ну что за чудесный день?

В воздухе цвели весенние орнелии, сладкий медовый запах полз по воздуху, забавно щекоча нос. Совсем недавно в эту часть континента начали возвращаться орланы, улетающие на север во время зимы. Целых два года! Джудит исполнилось почти шесть, когда началась долгая, затяжная зима. Говорили, что на Омеге зима походит на раннюю земную осень, медленно перетекающую в позднюю. Год на Омеге поразительно напоминал год на Земле — ровно 367 дней, а вот сезоны отличались.

Умные взрослые говорили, что это из-за траектории движения планеты и какого-то наклона оси, но Джудит-то знала, что Санта-Клаус на Омеге очень трудолюбивый, и все время забывает, что зиме тоже нужно давать немного поспать. Работай она у него вместо эльфов, не уставала бы напоминать, что пора заканчивать всю эту холодрыгу. Ох, напоминала бы и напоминала!

Сначала джунгли были зелеными, но со временем покрылись желто-рыжими переливами, походя на сплошной золотой ковер. Планету будто накрыли крышкой от блюда для индейки, под которой суетливо бегают-суетятся смешные человечки.

Джудит почти и не помнила ничего другого. Когда она родилась, стояло теплое лето, и цветы распускались прямо на глазах, но, когда она разлепила глазки и начала входить в сознательный возраст, стало холодать. Потом на ее судьбу перепало два года жаркого лета, с четырех до шести, а затем снова два года осени.

Говорили, Омегу ждет какое-то очень долгое лето, но Джуди была уверена, что Санте просто стало лениво и он решил хорошенько вздремнуть.

Летняя девочка — так прозвали ее родители, правда, она их совсем не помнила. Бабушка рассказывала, что мама очень любила ее, а папа все время придумывал для нее смешные прозвища.

Капризуля, батончик, орущая булочка, даже внезапная рыгалка — всем этим, по мнению ее отца, и являлась Джуди. А потом она вдруг стала летней девочкой и ее не успели назвать как-то по-другому, потому что папы и мамы не стало. Прозвища закончились. Так она и росла.

Весна пришла внезапно. Большое солнце Омеги однажды выкатилось на небо и стало гораздо теплее. По виду оно было чуть больше, чем зимнее и грело очень приятно. Пожухлые

листья на пальмах вдруг отвалились, и на их месте начали отрастать новые. Серая сморщенная трава запрела, из земли начали пробиваться первые робкие стебельки сочной травы. Ходячие ананасы словно обезумели, и гонялись за людьми по обочинам дорог, чтобы потереться об них перед созревaniem семян.

А что говорить о динозаврах... весной они ревели с утра до ночи. Жуть просто.

Жуть как интересно!

Несколько раз Джуди порывалась сбежать в джунгли, чтобы посмотреть на этих огромных чудовищ, но каждый раз ее ловили на границе базы и возвращали бабушке. В последний раз на нее оформили протокол и теперь она стала опасной преступницей. Джудит собой очень гордилась.

Правда, недолго. Когда она придумала хорошенький способ подзаработать, репутация ужасной рецидивистки ей начала только мешать. Какая любящая мать допустит до своего чада бэбиситтера с таким ужасным послужным списком? Ну разве может быть такой человек отличным профессионалом?

Конечно же нет! Вот уже три месяца у нее за спиной шептались, что девчонка бегают к динозаврам, и оттого набирать заказы становилось все сложнее.

Нужно было срочно что-то решать, как говорила ее бабуля — кандиально.

Джудит пришлось собрать всю свою гордость и смело пой-

ти на базу, чтобы встретиться с самым главным среди всего этого бетона — Дмитрием Коршуновым. То, что он был тут самый главный, она отлично знала от своей бабули. Вообще, почти все свои знания Джуди получала от бабули и большой домашней библиотеки, оставшейся от родителей. Интернета-то у них не было. Слишком дорого.

Джудит была намерена заключить взаимовыгодную сделку:

— Здравствуйте, важный мистер. Я знаю, что вы тут самый главный, вы-то мне и нужны! — важно заявила она, встречая капитана прямо из своего кабинета. — Простите, я не знаю кто вы по званию. Мой отец был лейтенантом. Вы его знали? Моя бабушка говорит, что знали, — Джуди важно задумалась, припоминая слова бабули, которые она обычно произносила в подобных случаях. — Хочу использовать деловые связи для сотрудничества, — уверенно выпалила она.

Слишком уверенно для девочки, неизвестно откуда взявшейся в самом центре военной базы.

— Эй, Мерилон, что за чертовщина тут происходит? — Дмитрий, высокий и немного седой, в безупречной форме с оружием на поясе, смотрел на девочку сверху вниз, и в глазах его читалось удивление. — Как эта малявка здесь оказалась? Она чья, драть вас всех за ногу? Где Элбрант, у него что, глаза на за... — тут он осекся и посмотрел снова на Джудит. — Тебе чего вообще, девочка?



— Меня зовут Джудит Андерсон. У меня к вам деловое предложение, — Джуди знала, что медлить нельзя. Эти военные очень строгие люди и у них вечно нет времени. — Вы никому не говорите, что я преступница, а я больше не сбегаю в джунгли к динозаврам.

— Чего? — густые брови Дмитрия взлетели вверх. — Ты

что вообще здесь делаешь? Как ты меня нашла?

— Мне помогла добрая тетя с полным бидоном каши. Она шла навстречу, когда я у нее спросила, где вы сидите. Я сказала, что я ваша дочь.

— Что? — поразился Коршунов. — Какой-то бред... Эй, Элбрант! Ты чего, не заметил, как через систему прошла девчонка?! Я зачем тебя на пост поставил?!

Сегодня ночью, после нападения динозавров, отключилось электричество по всему периметру базы и защитные электро-системы, естественно, не работали. Включая видеонаблюдения и систему распознавания личности. Коршунов поставил на пост сканирующего телепата, чтобы он улавливал каждое подозрительное движение. Ошибки быть не должно. Но, как оказалось, даже в безупречных системах бывают прорехи.

Позади капитана нарисовался высокий брюнет в форме — штатный телепат, совершенно не понимающий, что здесь происходит. Он с удивлением посмотрел на Джудит, будто видит ее впервые.

Коршунов тоже на нее так смотрел. Худенькая нелепая девчонка, с большими серо-голубыми глазами и высоким хвостом на голове, немного растрепанным, походившим на большую метелку для пыли. Темно-русые волосы были слишком волнистыми, почти кудрявыми, и пушились во все стороны. Цветастое платице и бежевая кофточка на размер больше и явно сняты с чьего-то плеча. Сандалии изношены,

гольфы стираны ни один раз. Конечно, он видел эту девочку впервые. Какая она ему «дочь»? У Дмитрия было трое детей и он не припоминал, чтобы среди них затесалась девочка.

— Я... я не заметил ее, — пораженно сказал штатный телепат, на бледном лбу выступила испарина.

— О, не ругайте его, мистер Коршунов, он меня не заметил, потому что не мог. У меня блокирующая телепатия, как у настоящего механического подавителя, только сильнее. Я хотела его усыпить, но за это вы можете написать на меня еще один протокол. А я не хочу больше преступничать, у меня бизнес. Мне нужна безупречная репутация! Так что, по рукам? — Джудит протянула руку с такой уверенностью, что Дмитрию Коршунову ничего не осталось, кроме как протянуть ладонь и ответить на рукопожатие.

Странная девочка, обошла систему защиты, наплевала на сканирующие способности Элбрандта. Такую нужно внести в каталог, чтобы иметь «на карандаше». Дмитрий всегда думал конструктивно, и на много лет вперед.

— Какая интересная способность, — из-за спины капитана выплыл высокий, ну просто очень высокий мужчина с длинной рыжей шевелюрой. Казалось, что он упирается в потолок головой. — Редкая, я бы сказал. Чрезвычайно редкая. По-моему, я даже не слышал, что такая бывает. А, хотя, дайте-ка подумать... нет, все-таки помню. Кажется, было что-то похожее лет сто назад, на моей родной планете. Ну да ладно. Я — Файрон Даркмор. Приятно познакомиться, юная леди.

Мужчина показался Джудит занятым. На всей базе он один ходил в строгом костюме и черных перчатках. И глаза у него были синими, как покрашенный бассейн у нее на заднем дворе. Джудит, конечно, и раньше видела чистокровных керимов, но они всегда держались особняком. А этот мистер показался ей дружелюбным, хотя не пожал ей руку, когда она протянула ладонь. Ну и ладно, главное, что капитан Коршунов ответил ей взаимностью. В конце концов, он тут самый главный.

— Самая бесполезная способность на свете, — заявила Джудит, высоко вздернув подбородок. Она уже привыкла, что о своих способностях, которые никому не нужны, нужно говорить с гордо поднятой головой. — Все так говорят, кроме бабушки. Подавители телепатии можно купить, так что, когда я вырасту, мой дар никому не будет нужен. Но я кое-что придумала! Детям, говорят, нельзя подавители, они от них умирают. Так что маленькие капризули-телепаты — мой профиль. Я задумала отличный бизнес, мистеры. Только мне нужна чистая репутация!

— Какая деловая, — внезапно рассмеялся длинный высокий Файрон, посмотрев синим взглядом на Дмитрия. — А что, и мальчиков на попечение тоже берешь?

— Непременно, высокий мистер.

Файрон усмехнулся.

— Даже... проблемных? Ну, трудных.

— Любых беру, — важно заявила Джудит. — Могу отучить

их размазывать какашки по стенам, если вы об этом.

— Да нет, если бы... — задумчиво протянул Файрон.
— Подавляющая телепатия, говоришь... — он внезапно очнулся и посмотрел на Коршунова. — Так! Ну что, капитан, устроим девочке безупречный послужной список? Я сам зачищу все ее ужасные преступления.

— Я была бы очень благодарна, — кивнула Джуди, ведь сейчас она «стряпала дела», как любила поговаривать ее бабуля.

— Ну... ладно, раз уж так получилось, организуем тебе кристально-чистую анкету, — хохотнув, развел руками капитан.

— Спасибо, мистеры, — девчонка присела в неумелом книксене, разведя полы цветастого платица, развернулась и вприпрыжку направилась к выходу из главного здания центральной базы.

— Элбрант, — прорычал Коршунов, показывая огромный кулак незадачливому телепату-сторожевому — прямо под нос. — Чтобы такого больше не было, и скажи Веласкесу, чтобы поставил девчонку на учет. Не хватало еще, чтобы она шастала по базе туда-сюда когда ей вздумается.

— Так точно, — облегченно вздохнув, сказал Элбрант.
Пронесло.

Глава 2. Собеседование

По голубому небу пролетела стая голосистых орланов, свежий рассветный воздух заполнял легкие. Джуди катилась на стареньком самокате по проселочной дороге, и вскоре из большого поселения пилигримов выехала в частный сектор. Тут жили всякие богачи, высокопоставленные сотрудники базы и все те, о которых Джуди только слышала, но ей никогда не светило с ними познакомиться. Потому что сирота жила в бедном квартале, и им с бабушкой не хватило бы средств даже на один куст роз, что рос в больших садах этих богачей.

Дорога стала совсем другой — гладкой, покрытой каким-то твердым глянцем, без единого выступа или ямки. Красота. Колеса маленького самоката катились легко, будто она летела навстречу приключениям.



Ну нет, на этот раз никаких приключений. У нее сегодня намечается хорошая работенка. Ее позвал на собеседование тот забавный мистер с синими глазами, сказав, что нужно посидеть с его сыном.

Джудит работала бэбиситтером уже несколько месяцев, так что у нее набрался внушительный послужной список. Правда, в нем насчитывалось всего несколько малышей, но это же не беда. Какие ее годы!

Придя в мир большого бизнеса, Джудит совсем не ожидала, что конкуренция будет такая огромная. Охотников зара-

ботать денег так много, что некоторые ее одноклассницы нянчились с детьми уже с первого класса, а она начала только со второго.

Пришлось идти ва-банк, и брать самые сложные случаи. Таких ужасных капризуль, обманщиков, манипуляторов, что хотелось надрать им хорошенько уши, чтобы они не смели больше никого доводить. Они совсем не хотели спать, и отказывались от каши по утрам.

Кто вообще отказывается от каши по утрам?! Она же такая вкуснятина. Хорошо, что она вообще есть. Джудит радовалась каждый раз, когда ей удавалось урвать овсянки до школы, и всегда съедала порцию своих подопечных, когда те норовили кинуть ею в стену.

Кто знает, когда ей еще выдастся поесть в следующий раз? Они с бабушкой жили очень бедно, все, что осталось у Джудит — это старый самокат, которому уже больше шести лет. Папа купил ей на вырост, как подарок, прежде чем они с мамой пропали. Питалась она в школе по государственной квоте для телепатов, а все остальное время морковкой и картошкой с бабушкиного огорода.

Если ей сегодня повезет, и она получит работу у этих богачей, то сможет попросить целых тридцать монеро за день работы, а не двадцать, как берут обычные бэбисситтеры.

Но нельзя сразу повышать цену на свои услуги, чтобы не спугнуть клиента — так ей бабушка говорила. Нужно подождать немного, показать себя, а уж потом... Джудит наде-

ялась, что тот малыш будет большой капризулькой, и уже успел измотать своих родителей так, что они готовы пойти на все, что угодно. Даже на нянечку восьми лет со способностью к подавлению телепатии. Ей очень нужна была эта работа.

Дома располагались по обе стороны от большой дороги, ведущей прямо сквозь элитный коттеджный поселок. Сюда наверняка не забирались дикие ящерицы и склизкие прыгуние улитки, с восторгом подумала Джудит. Вычурные особняки возвышались над землей: двухэтажные, с покатыми крышами, огромными окнами, и большими пристройками для личных джетов. Она никогда не видела такой красоты.



Может, попросить даже сорок монеро, раз все эти мистеры и леди так богато живут?

Нет, нельзя. Вдруг они подумают, что она слишком жадная. А чем жадный наставник может научить их ребенка? Бананы воровать? Джудит, конечно, воровала бананы из холодильников своих клиентов, но им совсем не обязательно было знать об этом, даже подозревать. Определенно нужно проявить скромность. Хотя бы первое время.

— Ооо, — Джудит раскрыла рот от удивления, прикатившись прямо по адресу.

Это был просто огромный двухэтажный дом с еще одним этажом, почти третьим, под самой крышей. Длинные высокие окна сплошной стеной вставляли на втором этаже, впуская в комнаты голубое небо Омеги. По левой стене особняка тянулся плющ, усыпанный прекрасными алыми цветами. Большие клумбы бежевых роз росли на полянке около дома, даже небольшой фонтанчик имелся. Можно пить воду, не забегая в дом. Мечта, да и только.

Джудит спешила и пошла по аккуратной дорожке до входной двери, сложив пополам самокат. Скрипуче щелкнула складная автоматика, предупреждая, что дни механизма, должно быть, совсем сочтены.

Большая резная дверь, помпезная и грузная, намекала, что ей удастся накопить на целый велосипед. Может, через полгода, или год... после того, как она купит себе новые сандалии.

Тук-тук.

Джудит постучала в дверь, потому что не смогла дотянуться до звонка. Больно уж далеко он находился, а она была совсем невысокой девочкой.

Никто не ответил, внутри стояла полная тишина.

Неужели маленький мальчик совсем не издает звуков? Проблемные дети почти никогда не затыкались. А этот, судя по всему, должен и ходить уже, и бегать, и кричать так, что волосы дыбом встают. Ему уже три! Самый отличный возраст, чтобы пошкودничать.

Тук-тук — настойчиво постучали Джудит. Что-что, а уходить она не собиралась. Велосипед сам себя не купит, ему в этом нужно было помочь, а для этого нужно приложить большие усилия, и, если нужно будет, проявить профессиональную настойчивость.

Тук-тук. Семь утра. Высокий рыжий мистер сказал прийти к семи, и она пришла. Не раньше, не позже. Пунктуальность — визитная карточка профессионала.

Внутри что-то зашуршало, позади из кустов роз вспорхнула какая-то птица. Джудит обернулась. Никого. Только листочки еще колышались. Какие-то пугливые здесь птицы, но она-то не испугается!

Дверь внезапно отворилась.

— Ох... — прошептала стройная женщина в длинном домашнем халате, заспанная донельзя. На голове ее торчало «воронье гнездо» из растрепанных светлых волос, на довольно аккуратном милом лице, прямо под глазами, поселились большие мешки. Женщина куталась в халат, будто ей было холодно. — Девочка, ты к кому? — спросила женщина хриплым голосом.

— Меня позвал большой рыжий мистер, его зовут Файрон Даркмор, — громко заявила Джудит, потому что себя надо было презентовать четко. — Вы его знаете?

— Ох... да... конечно. Это мой муж. А зачем он тебя позвал? — обескураженно спросила женщина. — В такую рань... кто ты?

— Я — Джудит Андерсон, профессионал в своем деле. Мистер Даркмор сказал, что я буду сидеть с его сыном!

— Эм... ты что, нянечка? — женщина пораженно открыла глаза, отчего Джудит заметила, что они у нее приятного серо-голубого цвета. Прямо как у нее. Такие тетеньки бывают очень добрые, а еще больше - щедрые, с нее можно будет все-таки содрать тридцать монеро.

— Нет, что вы, какая нянечка? — оскорбленно ответила Джудит. — Я — бэббиситтер!

— А не слишком ли ты юная для... такой работы? — растерялась женщина.

— Я — профессионал своего дела, миссис Даркмор. Обещаю, вы не пожалеете!

— Прости, девочка. Вернее, Джудит. Мы не нуждаемся в бэббисситерах, я сама сижу с ребенком и вполне справляюсь. Наверное, это какая-то ошибка...

— Никакой ошибки. Мистер Даркмор сказал, что нужен бебисситтер для его сына.

— Ааа... а как он узнал о тебе? Эм... вы где-то пересеклись?

— Да. На большой бетонной базе. Я пришла к господину Коршунову.

— Прямо к нему? — поразились женщина, — Просто так? Туда же не пускают...

— О, Джудит пришла! — из-за спины заспанной женщины вдруг появился спасительный рыжий мужчина и распах-

нул входную дверь. — Проходи, не стесняйся. Я тебя ждал. Прости, что не открыл дверь — только проснулся.

Джудит командирским шагом ступила за порог, потому что нельзя проявлять робость в таком деле — на кону стояли овсянка по утрам и новый велосипед. Не дрогнула она даже тогда, когда встала посреди шикарной гостиной, как вкопанная.

Особняк внутри был воистину шикарным. Высокие потолки, везде светло, просторно и воздушно. Красивые узорчатые шторы свисали с высоких арочных окон, словно водопады, большие глянцевые вазы стояли по углам, из них торчали разлапистые комнатные пальмы с причудливыми цветами, новый мягкий диван мог вместить пятерых, а то и шестерых человек. Или он только казался новым, и за ним кто-то просто очень хорошо ухаживает — Джудит не знала, у них с бабулей диван-то давно продавлен и торчал пружинами.

Большой проектор на стене, длинные столы из настоящего дерева и просто огромный камин около лестницы на второй этаж заставили Джудит остолбенеть. Вот это красотища! Тут было как во дворце. Только игрушки кое-где раскиданы, и ложки с вилками валялись на полу.

Джудит с удивлением отметила, что игрушки — самолетики и мотоциклы, были сделаны из металла. И вообще все, что разбросано по полу, сделано из металла.

Что это за мальчик такой, который не играет с обычными цветастыми игрушками? Пирамидкой там, или пластмассо-

выми камазами.

Впрочем, это все не важно.

Девочка сделала над собой усилие, чтобы подавить удивление от увиденного. В таком доме должен быть просто огромный холодильник. Сколько бананов может в него поместиться?!

Глава 3. Странный мальчик

— Дорогой, зачем ты пригласил сюда няню? — слышалось у Джудит за спиной. — Неужели ты думаешь, что я плохо справляюсь со своими обязанностями? Думаешь, я плохая мать?

Джудит обернулась, длинный мистер подошел к жене и поцеловал ее в лоб. Миссис Даркмор выглядела очень расстроенной. Она устало прикрыла глаза и тяжело вздохнула.

— Ну что ты, птичка. Ты прекрасная мать, — Файрон погладил жену по голове, успокаивая. — Просто я волнуюсь, дорогая. В последнее время ты мало спишь. С тех пор, как у Касса начала проявляться телепатия, приходится быть все время начеку, я понимаю... но так нельзя, Вики. Тебе нужно отдохнуть, иначе просто сломаешься.

— Отдохнуть? — выдохнула Виктория. — Но как в этом мне поможет маленькая девочка? У нас уже было три опытных няни, которых мы выписывали с самой Баллу. И все они были великолепными телепатками, имеющими огромный опыт работы с детьми. Никто из них не справился! Боже... — Виктория закрыла лицо ладонями. — У госпожи Найрини остался порез на запястье. Она до сих пор избегает детей с боевой телепатией. А тут маленькая девочка. Как она может справиться с Кассарионом? Это просто опасно.

— Наверное, для этого и придумали собеседования? —

лукаво улыбнулся Файрон, не менее лукаво посмотрев на Джужит. — Ну что, готова к тесту на профпригодность?

— Готова, — уверенно кивнула Джудит, уже шаря взглядом по комнате. Почему-то ей казалось, что этот Кассарион где-то здесь. Она его ощущала кончиками своих волос. Притаился сорванец, почувствовав что-то неладное. А, вернее, кого-то. — Ну и где же наш клиент?

— Подождите... — забеспокоилась вдруг Виктория. — Как ты собрался ее проверять? Я... только у меня есть способности успокоить Касса. Никто больше не может...

— О, вы недооцениваете мою мощь, — ответила Джудит, даже не став слушать эти смешные аргументы.

У нее подавляющая телепатия! Каким бы ни был сложным случай, он превращается просто в ничто, когда она вступает в дело. Раненые нянечки? Ха. На то они и нянечки, а не бэбисситеры, чтобы не справляться со своими прямыми обязанностями. Подумаешь, первоклассные телепатки с Баллу. Если детская телепатия шkodит, никакая нянечка не остановит размазывание какашек по стене. Но, вроде, Кассарион этого не делает. Какая у него, интересно, проблема?

А, вот и он!

Видимо, малыш целую ночь не спал, и, когда мама совсем извелась, заснув тревожным, очень чутким сном на диване в гостиной, стал заниматься своими непослушными делами. Какой плохой мальчик.

Диван у большого стеклянного выхода в сад был примят,

прозрачно намекая о том, что незадачливую мать сморило в самый неожиданный момент. А этот мальчишка уполз прямо из-под присмотра, и сидит сейчас в углу, спиной ко всем. Такой бодрый и совсем... тихий?

Он был одет в серую кофточку и такого же цвета штанишки. На белых носочках Джудит не заметила ни единого пятнышка. Видимо, их очень часто переодевали, или сам капризуля был очень аккуратным. Но во второе Джудит ни за что не верила, так что, скорее всего, первое.

Мальчик примерно трех с небольшим лет забился в угол, не обращая ни на кого особого внимания. Будто и не было всех этих разговоров, очень шумная девочка не пришла с утра пораньше, и не говорила так громко с его мамой и папой. Словно ее вообще здесь не было! Зловеще-тихий, неестественно спокойный мальчик вдруг зашуршал чем-то в углу. Увлеченно, всепоглощающе, что мурашки шли по коже.

Знала Джудит таких — молчат, молчат, а потом вся стена в разводах. Разрисуют обои фломастерами, а то и хомячка в унитазе утопят, а ей потом за все это отдуваться. В таких случаях родители чик — и зарплату урежут. За ним нужен глаз да глаз.

Протянув руки, Виктория подскочила к сыну. Когда она уже принялась его поднимать, все-таки передумала. Женщина была очень уставшей, а трехлетний мальчик уже достаточно большой. Так что Виктория просто обняла сына, по-

целовав в макушку.

Бледный какой, подумала Джудит. Вроде обычный мальчик, а все равно странный. Волосики на его голове неестественно рыжие, глаза большие, синющие, как у отца. Не улыбается, но и не плачет. На маленьком безразличном личике вообще никаких эмоций. Молчит. Целую ночь не спал, а лицо не уставшее, и вообще, сидит как ни в чем не бывало. Жуть, просто жуть! За такого должны много дать. Не поспят.



— Просто, Касс, он... сложный мальчик, — обескураженно сказала Виктория, оставила сына и стала суетливо что-то собирать там, в углу. С этим-то и играл Кассарион, шурша ото всех украдкой.

— И что же в нем сложного? — заинтересованно спросила Джудит. — Он что, дурак?

Большой рыжий мистер за ее спиной подавился, непонятно чем. Может, слюной?

— Оу... нет, что ты, — покачала головой Виктория, встряхивая и без того растрепанные кудри. — В этом плане... нет, Кассарион очень смысленный для своего возраста, даже... слишком. Как ты, — она слабо улыбнулась. — Но нельзя называть других малышей дураками, это неправильно. Просто... у некоторых свои особенности, иногда проблемы. К каждому нужен свой подход.

— Как пожелаете, миссис. Он совсем не разговаривает?

— Нет, еще не разговаривает, — расстроено ответила Виктория. — У некоторых телепатов речь появляется позднее, чем у других детей. Потому что им не нужно говорить, чтобы родители их поняли. Они просто дают мысленный посыл.

— О, это я знаю, — понимающе кивнула Джудит. — Из некоторых слова не вытянешь. Но орать это им не мешает. А что это у вас в руках?

Виктория поднялась, оставив сына, и подошла к Джудит. Раскрыла ладони — там лежали обрывки утренних газет и еще каких-то глянцевого журналов. По маленьким частям картинок Джудит поняла, что на страницах изображены звездолеты. По крайней мере, были, пока их не разорвали в клочья.

— Обрывки бумаги? А зачем они ему? — удивилась Джудит.

— Он... он так играет, — неловко, даже виновато улыбнулась Виктория. — Рвет газеты и журналы, садится в угол и потом собирает их, как пазл. Картинка к картинке, буква в букву.

— Как странно.

— Нет, он просто так играет, — захлопала глазами Виктория. Она не хотела мириться с реальностью, наполненной горькой правдой. Ее сын не такой, как все, ведь обычные дети так не делают.

— Согласись, дорогая, это действительно странно, — покачал головой Файрон. — Я чувствую свою вину в этом, но... ничего не поделаешь. Нужно как-то двигаться дальше.

— Я не знаю, — Виктория прикрыла глаза, потом так же устало, как и все делала в это утро, прошла до урны в другом углу, и выбросила туда обрывки газет.

Кассарион даже голоса не подал, когда у него отобрали игрушки. Какими бы ни были странными дети, если отобрать у ребенка игрушки, он начинает визжать. Это Джудит очень хорошо уяснила. А этот мальчик молчит. Жуть жуткая. За ним нужны даже не два глаза, а целых три, или даже четыре.

Кстати, где это он?

— А где ваш сын, миссис Виктория? — спросила Джудит, недоуменно оглядывая пустой угол около выхода в сад. Тот был открыт, впуская запах свежей зелени в просторную гостиную. Густые листья высоких декоративных папоротников колыхались, намекая, что их только что кто-то задел.

Как этот мальчик смог открыть стеклянную дверь, такую большую и массивную, да еще и так бесшумно? Чудеса. Убежал, негодяй такой!

— Кассарион? — позвала Виктория. — Милый, где ты?! Встревоженная, она бросилась в сад в поисках своего сына.

— Ну вот, опять, — тяжело вздохнув, сказал Файрон и бросился за ней.

Они бежали по тонким дорожкам между раскидистых кустов карпентария и цветов барагуты. По сторонам от тонкой каменной дорожки росла клубника, огромная, спелая, и как подозревала Джудит, очень вкусная. Наверняка, она была очень вкусной! Правда, проверить этот факт у нее не было времени, да и при свидетелях она бы не посмела оборвать сочные ягодки. Она просто бежала за семейной четой, надеясь все-таки получить свою работу.

В оранжерее было немного душно, пышная растительность исходила влагой и ароматами, над головой раскинулся стеклянный купол с матовой тонировкой. Красиво. Как и все в этом доме.

Они настигли мальчика около большой резной стены, по которой ползла мелкая колосовидная земляника. Белая краска лопнула от влаги и уже начала осыпаться, рядом лежало пластмассовое синее ведерко, наполненное черной землей. Она вывалилась наружу вместе с детской лопаточкой, испачканной по самую рукоять. Видимо, Кассарион лю-

бил здесь возиться и лепить куличики.

Мальчик стоял неподвижно, и очень внимательно смотрел вперед — прямо перед собой. Вокруг него летали разные предметы: комья грязи, садовая лейка, пара шлангов, садовые ножницы и... ножи. Да, Джудит их ни с чем не перепутает. Вокруг малыша летала просто куча острых предметов!

Подойдя ближе, они заметили огромную змею, величиной со взрослый локоть, повисшую на стене безвольной тряпчочкой. Прямо в ее голове торчал нож, и еще несколько по ходу туловища, до самого кончика хвоста. По белой стене текла змеиная кровь.

— Боже, Касс, что ты сделал? — выдохнула Виктория. — Откуда здесь ножи? Ты опять притянул их от соседей, да? Господи, и как только ты их чувствуешь? Маленький мой... Я же говорила тебе не бегать в сад, пока не потравим всех змей...

— Он почувствовал опасность, — холодно сказал Файрон. — Страх сильный мотиватор. Это почти рефлекс, Вики, он не может ему сопротивляться.

— Касс, милый, опусти нож, — проворковала Виктория, осторожно вскинув перед собой ладони. — Милый мой, мама тебя очень любит. Просто опусти нож... давай я поглажу тебе голову и твои мысли успокоятся. Просто дай мне к тебе подойти.

Кассарион стоял неподвижно и с любопытством смотрел на предметы, летающие вокруг него. Они плавно парили,

медленно опускаясь и поднимаясь, и кровь текла по стене, потому что лезвия ножей все еще дрожали в метровой змее.

— Касс, пожалуйста, — чуть ли не рыдая, взмолилась Виктория. — Это опасно... давай я тебя успокою, полюбую... просто опусти ножи, милый.

Кассарион повернул голову, его глаза полыхали синим. Он смотрел на маму, и неизвестно, понимал ли он, что она ему говорит.

— Давай я... — начал Файрон, но Виктория его не подпустила: — Дорогой, прости... но ты сделаешь только хуже. У вас сходные телепатии, ты можешь усугубить его... проблему.

— Нет, у нас совпадают не телепатии, — по-странному грустно сказал Файрон. — У нас одинаковые монстры в голове.

Большой рыжий мистер обескураженно сделал шаг назад. Джудит увидела, что он тоже волнуется. В первый раз за все время она заметила в нем тревогу, а не нарочитую, картонную дружелюбность.

Значит, дело совсем плохо. Если уж этот мистер волнуется, то что говорить об остальных? Нужно было это как-то решать, и срочно.

Джудит сделала решительный шаг вперед.

— Опустите ножи, Кассарион Даркмор, — скомандовала Джудит, решительно уперев руки в бока.

В глазах Виктории проскользнул ужас. Она только что за-

метила, что Джудит увязалась за ними, и сейчас девочка стоит очень близко, прямо на линии атаки острых предметов и, видимо, совсем не собирается уходить.

— Джуди, пожалуйста, уйди... — впад в ступор, на выдохе произнесла она.

Файрон тоже не смел двинуться, потому что когда он приближался, его способности входили в резонанс со способностями сына и ножи начинали мелко дрожать в воздухе.

Патовая ситуация.

Но не для нее! Джудит врубила свою телепатию на полную катушку. В конце концов, ей это уже начало надоедать.

— А ну брось нож, маленький ты засранец! — скомандовала она так громко, что Кассарион раскрыл свои и без того большие синие глаза, вдруг вздрогнул... и ножи полетели вниз, звонко ударившись о каменную дорожку. А за ними полетели и лейка, и шланг, и комья грязи.

Кассарион смотрел на кричащую злую девочку и молчал. Опять молчал. Он не мог поднять ни единого ножа с земли, потому что у него больше не получалось.

— Что ты сделала? — пораженно спросила Виктория.

— Я — подавитель телепатии, — гордо объявила Джудит, поняв, что теперь можно просить любую сумму, даже пятьдесят монеро! — Но не только. Я еще лучший бэбисситер. Кассарион будет в отличных руках и вести себя будет, как шелковый, прилежный мальчик. Уж я-то научу. Тридцать монеро и день ваш!

— Я заплачу тебе триста, если ты отменишь все заказы на эту неделю. И, если пройдешь испытательный срок, буду платить по пятьсот в день, — услышала Джудит за спиной.

Видимо, отец мальчика был готов на все, чтобы его жена наконец-то поспала.

У Джудит даже дыхание сперло от таких заоблачных цифр. В школе она отлично понимала арифметику, потому что еще в шесть лет знала, сколько стоит хлеб, овсянка и пшенная крупа, и хорошо считала, хватит ли ей на жвачку. Правда, больше ста цифры забирались редко, но у нее все ровно хорошо получалось. А тут триста монеро... в день! А потом — пятьсот. Да таким образом она станет совсем богачка. Она просто не может потерять эту работу. Если дело пойдет хорошо, она сможет купить себе велосипед. Большой. Красивый. И бананов с сколько захочет. И... и мороженое. Хотя, нет. Мороженое на Омеге иногда стоило даже больше, чем велосипед, когда поставки с Земли задерживались, или был совсем не сезон. Коровы на Омеге не приживались, так что деликатес был доступен не каждому. Но о велосипеде-то ей можно было помечтать.

— Что ж, длинный рыжий мистер, вы купили меня с потрохами, — кивнула Джудит, ничуть не потерявшая свою уверенность. — Думаю, мы сработаемся.

Она повернулась к непослушному бледному мальчику, который совсем не плакал и, казалось, вообще не издавал никаких звуков. Зато он мог двигать предметы и подчинять

их силой собственной мысли. А еще он убивает змей и ба-
лается ножами.

Опасный, плохой мальчик! Она это исправит. Пока у нее
не появится велосипед, Джудит будет держать его в ежовых
рукавицах. Пусть только попробует пискнуть.

— Ну что, милый забавный мальчик, — Джуди изобрази-
ла такую милоту, на которую только была способна. Она на-
висла большой длинной тенью над Кассарионом, который за-
драл голову и удивленно, совершенно непонимающе смотрел
на ту, которая внезапно лишила его своего дара. Он ниче-
го не чувствовал, абсолютно ничего. Только какую-то непри-
вычно-вакуумную пустоту вокруг себя и... беспомощность.
— Приятно познакомиться, маленький капризулька. Теперь
я твоя новая няня. Уверена, мы подружимся. Правда ведь?
Не сомневайся. Уж я-то постараюсь. Хе-хе.

Глава 4. Рухнувший мир

Он действительно хотел уползти, правда. Кассарион, не будь дураком, сразу смекнул, что убегать от нее бесполезно.

Методом проб и ошибок — методом очень частых проб и ошибок, мальчик вычислил, что нужно падать на четвереньки и ползти в сторону свободы. Быть может, попытаться открыть стеклянную дверь в оранжерею, где он может затеряться среди высоких листьев. Или вообще к входной двери, где росли пышные кусты бежевых роз.

Сила, которая толкала его в затылок, лишала способности поднимать предметы. Она стелилась аккуратно сверху. А если он пригнется, оставалось еще немного времени для спасения. Буквально несколько секунд, чтобы убежать...

Пусть Кассарион и не говорил, но догадки о многих важных вещах приходили к нему так же просто, как решения занимательных пазлов. Буквы в рваных газетах были очень маленькими, стальные бока космолетов на отрывках глянцевых журналов замысловатыми, но он всегда находил, какой кусочек бумаги подходит к другому. И так складывалась разорванная страница, буква к буквке, линия к линии. Страница, которую он сам совсем недавно растерзал на части.

У тихого и сосредоточенного Кассариона была феноменальная внимательность. Поэтому он сразу понял, что к чему.

Когда он стоял на ногах и пытался бежать, противная девочка ударяла его своей силой, и он сразу престаивал чувствовать окружающие предметы. Ни чашки на столе, ни подушки на диване, ни большую кадку с декоративной пальмой, ни... ножей. Он всегда чувствовал все, что блестело и было очень твердым. Особенно ножи. Мальчик прекрасно знал, как их поднять и постоянно это делал. Ему нравилось кидаться острыми блестящими предметами, ведь они убивают змей, лягушек и пауков. Тех, кого он не любил всю свою маленькую жизнь.

Каждый предмет в обжитом и знакомом пространстве был Кассариону доступен. Мальчик мог заставить танцевать маленький домашний мир вокруг себя. А когда рядом появлялась эта неожиданная девочка, его будто помещали в ванну с водой, прямо с головой, и он уже не мог найти ни одной своей любимой игрушки.

Раньше все его ощущения были забиты окружающими предметами, а сейчас Кассарион ощущал что-то совсем ему незнакомое. То, с чем он еще ни разу не сталкивался. На место привычному домашнему спокойствию пришли какие-то совсем странные ощущения. В этот момент Кассарион чувствовал себя беспомощным. Злым. Может быть даже немного... обиженным.

Большая противная девочка настигала его, хватала за штаны и тащила обратно в гостиную, или в его комнату, или на кухню. Мальчик упирался, цеплялся за длинный ворс ков-

ра, но она все равно пыхтела и тащила, сколько бы он не сопротивлялся. А еще Джудит любила проводить время у холодильника, чем-то усиленно шурша.

— Если будешь уползать, я тебя усыплю, — угрожала она каждый раз, когда свобода была так близко...

Кто она? Откуда она здесь взялась? Кассарион не хотел, чтобы эта девочка приходила. День за днем он ждал, что однажды дверь все-таки не откроется, и она не появится на пороге. Но проходили дни, и все повторялось вновь и вновь.

Ждать, что она уйдет тоже было бесполезно. Кассарион смысленный мальчик — он понял это уже через две недели. Девочка заняла все его жизненное пространство, и не собиралась его освобождать.

Противная девочка. Просто отвратительная. Кассариону она не нравилась. Она лишила его любимых игрушек! Зачем она здесь находится?

— Меня зовут Джудит. Когда ты научишься говорить, можешь называть меня просто Джуди, или просто Джу, — улыбалась девочка, склоняясь над ним и над обрывками его любимых газет, а потом добавляла тихо, когда мама отворачивалась: — Маленький ты засранец.

В этот момент у Кассариона всегда застревал ком в горле, тоже непривычный. Он не знал почему, просто... было очень неприятно. Девочка говорила это с таким повелением, что становилось не по себе. Он даже не знал, что означает это странное слово «засранец», потому мама никогда такого ему

не говорила, но почему-то глаза влажнели каждый раз, когда он слышал его от этой плохой девочки.

Плохая она была по многим причинам.

Во-первых, его привычный уклад жизни с треском пошел по швам, или порвался, как газетные листочки под его упорными пальчиками.

Кассарион любил сидеть в углу и собирать стальные корабли из кусочков бумаги. Любил чувствовать предметы вокруг себя, иногда поднимать их, иногда бросать. Обожал охотиться за змеями и очень любил ножи. Они протыкали змей, когда они забирались к ним в сад и грозно шипели. А когда пришла эта девочка, он перестал чувствовать все это... перестал чувствовать свой мир. Она уничтожила его!

Во-вторых, он не любил спать. Все его внимание занимали предметы, а когда он засыпал, к нему приходили кошмары. Ужасные кошмарики, в которых было много змей и насекомых, и во сне он очень страдал. Иногда подходила мама и успокаивала его, но временами она могла не уследить и пропустить один сон, потом другой, потом третий...

Кассарион боялся даже одного. А плохая Джудит заставляла его засыпать одним щелчком пальцев. В таких снах кошмары будто за толщей стекла, и не могли дотянуться до него, но все равно Касс очень боялся.

В-третьих, она называла его неприятными словами и заставляла пить чай. Чай, которого даже не было в пустых игрушечных чашках. Джудит притащила какой-то старый по-

тертый сервис из своего дома и играла с ним в чаепитие. А когда он таскал из своей комнаты стальные самолетики, которые ему так нравились, она откладывала их в сторону, будто они совсем ничего не значили. Совала в его ладошку пустую чашку без чая и приказывала пить.

Что пить? Пустоту? Тут даже сока нет!

Кассарион чавкал губами по воздуху чувствуя себя обманутым.

— Пей, — настаивала Джудит, подсовывая очередную чашку хмурому мальчишке.

Он отказывался, сбрасывая чашку на пол. Если уж и пить, то только вкусное. Что существует!

— Какой ты упрямый! — возмущалась Джудит. — Это же игра. Нужно представить, что в чашках есть чай. Это же так интересно!

Кассарион так и не понял, что именно ей интересно, если на кухне полно настоящего чая, который можно пить. Она еще и глупая.

Мальчик был такой беспомощный без своей телепатии. Джудит подавила ее еще несколько часов назад, ему нечем было возразить. Не кинуть в нее этой чашкой, и не ударить ложкой по лбу. Плохая девочка связала его по рукам и ногам, и ему ничего не оставалось, как пить невидимый чай и с грустью смотреть на свои самолетики.

А самое главное, она отобрала у него маму. С тех пор, как Джудит появилась в его доме, мамы все чаще не быва-

ло рядом. Раньше она находилась с ним буквально всегда — утром, днем и ночью, спал он или бодрствовал, бегал, бросался предметами или спокойно сидел в углу. Она всегда была рядом! Никогда не спала, никогда не отходила от него, а сейчас...

Он не помнил, когда в последний раз ее видел. Знал только, что она все время спала. Выходила ненадолго, такая взъерошенная, родная и усталая, тискала его, целовала, варила себе вкусный чай и снова уходила.

Для Кассариона это было непривычно. Где мама? Почему она не с ним? Ему приходится все свое время проводить с плохой-противной девочкой, которая называет его засранцем.

— О, вы играете, — мама спустилась с лестницы, ведущий на второй этаж.

В легких бежевых бриджах и клетчатой рубашке, ее волосы неестественно-аккуратно убраны на затылке. Странно. Раньше Кассарион всегда помнил их растрепанными.

— Доброе утро, милый, — улыбнулась она.

Мама приблизилась к Кассариону, на него пахнуло родным запахом молока, домашних печенок и чабреца с бергамотом. Виктория обняла сына, поцеловала и... пошла заваривать себе чай.

Ну куда ты...

Кассарион, вопреки воле противной девочки, встал из-за розового столика, стоявшего на белом ворсистом ковре в са-

мом центре гостиной, и поплелся за мамой.

Плевать, что он не может двигать предметы. Плевать, что Джудит опять потащится за ним следом. Он соскучился. Он хочет свою маму назад!

— О, милый, вы уже доиграли? — мама опустилась к сыну, расцеловала, погладила его волосики. Попыталась прочесть его мысли, но не смогла — радиус воздействия Джудит распространялся и на нее. Какая сильная девочка. Такая маленькая, а уже может воздействовать на взрослых.

— Джу, ты не могла бы ненадолго отключить свою телепатию, чтобы я смогла прочесть мысли Касса? — спросила Виктория. — А то в последнее время я такая сонная, что мне совсем не хватает сил проверить, как он себя чувствует.

Пу-пу-пу...

Сейчас Виктория узнает, что он пытался убежать от нее, и не раз. Джудит не знала, нравится ли ему пить чай, но точно знала, что он невзлюбил ее с самого первого дня. Маленькая капризулька не хочет делиться своими игрушками — она это хорошо уяснила, когда сидела с другими детьми. Дети бывают очень жадными. Хотя она никогда не брала игрушек у других детей, они все равно их жалели и, бывало, очень далеко прятали.

Джудит этого не понимала. И что такого, чтобы поделиться своими игрушками? Это же не еда — они никуда не денутся. Вот она легко таскала свой столик к клиентам, если их детишки вдруг захотели. Из ее-то чашек они пили охотно,

особенно девчонки.

Подумаешь, игрушки. Настоящие интересности творились в джунглях. Там шастали загадочные динозавры, они были круче любых игрушек. И потом, ее бабуля всегда говорила: не будь жадиной, поделись, если кому-то не хватает, а тебе хватает. Мир от этого не рухнет.

Джудит хватало своего столика, и ей было не жалко. Но это все было неважно, потому что, если Кассариону не нравится пить ее чай, Виктория это увидит и обязательно нарушает. Сама-то Джудит мысли не читает, и не знает, что думает о ее чае Касс, она умеет только глушить телепатию.

— Господин Файрон советовал, чтобы вы побольше отдыхали и брали сына на руки только в самых крайних случаях, — осторожно произнесла Джудит, пятясь в сторону кухни.

— Сходи, угостись сладостями, — проворковала Виктория. — Не волнуйся за меня, со мной все будет в порядке. Я там пирожных купила. Когда приду в себя, испеку домашние. Ты любишь домашние пирожные?

— Обожаю, — заявила обрадованная Джудит, на миг забыв о грозящей опасности.

Она уместилась за столиком, по-хозяйски достав чашки с полки. Для этого ей пришлось придвинуть стул к столешнице и встать на него. Затем она заварила себе фруктовый чай и принялась увлеченно жевать пирожные.

За всем этим сосредоточенно наблюдал Кассарион, нахмутив и без того напряженный лобик. Он выглядел недо-

вольным.

Почему она сидит на его кухне, пьет его чай, и разговаривает с его мамой? Это все принадлежит ему! А она ведет себя, как будто она тут самая главная.

— Скажите, миссис Виктория, а почему Касс такой... ну... молчаливый, и норовит кинуться чем-то. У меня были разные дети, и среди них очень много капризулек. Но Кассарион совсем другой.

— Это долгая история, — грустно улыбнулась Виктория, покачав сынишку на руках. — Все случилось, когда он еще не родился. Произошло кое-то, что повлияло на него, когда он был еще в моем животике.

— А что именно?

— Это сложно объяснить вот так, сходу. Может, как-нибудь потом. Просто, когда он еще не родился... в смысле рос в... ну...

— Я знаю, как появляются дети, — деловито кивнула Джудит. — Лесные феи пробираются ночью во сне к мамам, подкладывают детишек в животики, а потом их надо растить дополнительно. Очень неудобная система. Я бы над ней поработала.

Виктория неловко усмехнулась, приложив ладонь ко лбу Кассариона. Он был совсем не горячий, температура находилась в пределах нормы. По крайней мере, по ощущениям. Как же хорошо. От недосыпа и активной телепатии Касс частенько горел. Но сейчас — тишина.

— Да... да, так и есть. Я все время забываю, насколько ты бойкая и самостоятельная, — неловко ответила Виктория.

— И все знаю.

— Да, конечно, и все знаешь, — кивнула Виктория. — Ну что, начнем?

Джудит, все это время поглощавшая пирожные, глубоко вздохнула и убрала свою подавляющую телепатию. В конце концов, что сделано — то сделано, как говорит ее бабуля. Перед смертью не надышишься. Если ее выгонят, она хотя бы поела этих вкусных пирожных, да еще и заработала на несколько месяцев вперед.

Топ-хлоп, два вида телепатии ворвались в пространство, заполняя собой все — сверху донизу. Мягкая, любящая телепатия Виктории и буйная, хаотичная телепатия обиженного ребенка. Да, именно обиженного.

Кассарион раньше никогда не испытывал таких сильных чувств. Надо сказать, раньше он вообще почти ничего не ощущал, кроме спокойствия и иногда страха от ночных кошмариков, а сейчас он ощущал злость. Такую сильную, что готов был поднять все острые предметы вокруг.

Противная девочка окончательно забирает его жизнь. Он не мог рассказать об этом, потому что не умел говорить. Как-то вообще не думал, что ему необходимы будут слова. Потому что у него был дар и мама, которая понимала его без слов.

А теперь любимая мама болтает с девочкой, даже не удосужившись уделить ему внимание!

Как она могла вообще подумать, что ему нравится пить невидимый чай?

Ему нравятся ножи и самолеты, она должны знать! Ему всегда это нравилось, и за неделю совсем ничего не изменилось. Нужно всего лишь подойти ближе, провести ладонью по его голове и прочитать, что он об этом думает. А не болтать с девочкой, как ни в чем не бывало.

Кассарион возмущен, он обижен, он....

Ничего не может сказать.

Как только Джудит убрала свою телепатию, недопитая чашка на столе тут же взлетела вверх и кинулась, целясь ей точно в лоб. Новенький кексик в ее руке лопнул, запачкав лицо Джудит и торчащие в разные стороны кудряшки. Девочка только и успела пригнуться, чашка пролетела у нее над головой и разбилась вдребезги о кухонный гарнитур. Джудит свалилась со стула и от страха врубила свою телепатию, чтобы ей в лоб еще чего-нибудь не прилетело!

— Джудит! — испуганно закричала Виктория, поставив Кассариона на пол. — Джудит, ты в порядке?!

Девочка прижалась к столешнице, через мгновение осторожно выглянув из-за ее угла.

— Он больше не бросается, все хорошо, — прошептала она, когда на ней нависла Виктория. — Совсем злая капризулька.

— погоди, дай я тебя осмотрю, — она убрала кудри с лица Джудит, уверенная, что девочка очень испугалась. Вот толь-

ко Джудит такой совсем не выглядела.

— Ему не понравилось чаепитие, — сделала она логичный вывод. — Так и знала!

— Вроде никаких ушибов, — облегченно выдохнула Виктория, убирая крупные куски кекса из ее волос. — Испугалась?

— Неа. Честно-честно.

— Прости, что так получилось. Кассарион, он...

— ...сложный мальчик, — закончила Джудит, встав на ноги. — Это я помню, миссис. Но у меня сложных детишек была просто куча. От них отказывались все бэбисситтеры, а я их брала. Они, конечно, не кидались в меня чашками, но стены потом приходилось отмывать. И не раз!

— Ты не обижаешься? — Виктория посмотрела на девочку с надеждой. — Если ты решишь уйти, я пойму. Как бы ни было трудно, я не откажусь от твоих услуг, если ты сама захочешь остаться. Просто наш случай он... — Виктория пыталась подобрать слова, — ...очень индивидуальный. Кассариона нельзя оставлять без присмотра. Не только моего... даже если это ему не нравится.

— Правда? Вы все равно оставите меня, даже если ему не нравится пить чай? — поразилась Джудит.

— Я думаю, со временем вы найдете общий язык, если я буду обучать вас обоих, — мягко улыбнулась Виктория и... погладила Джудит по голове, как настоящая мама.

Кассарион раскрыл рот, впервые в своей жизни ощущая,

насколько ему не хватает способности говорить.

Это было за гранью его понимания. Мама... его любимая теплая мама гладит по голове другого ребенка, не его! Болтает с ней, успокаивает, вместо того, чтобы поднять его на руки. А у него снова нет телепатии, чтобы закидать Джудит покупными кексами!

Что-то очень незнакомое, возмутительное и просто стихийное поднималось изнутри, распирая горло и продавливая грудь. Кассарион кривился, пыхтел, краснел, а затем раскрыл рот и истошно заплакал.

Он плакал громко, навзрыд, суксив и без того недовольное лицо. Теперь оно было совсем мокрым.

Плохая, плохая девочка. Она отобрала его самолетики, она отобрала у него маму, все отобрала!

Мое, мое!

Виктория вздрогнула, словно ошпаренная кипятком. Медленно подошла к сыну, опустилась на одно колено рядом, посмотрев на него так удивлённо... странно и... не бросилась его обнимать. Она приложила руку к груди и проглотила ком в горле, в ее глазах заблестели слезы.

— Он... плачет, — сказала Виктория ошарашенно, находясь в абсолютном ступоре.

— Простите, миссис Виктория, я не специально, — запаниковала Джудит.

Ну ведь все было хорошо! Виктория не сердится на нее, и даже угостила кексиками. А еще она погладила ее по голо-

ве, тепло так, мягко, как Джудит уже очень, очень давно не чувствовала. Ей казалось, иногда в своих снах она ощущает похожее тепло, и надеялась, что это были настоящие воспоминания. Что мама гладила ее так, когда она была совсем маленькой. И теперь миссис Виктория сделала точно так же. Очень, очень похоже. Джудит это очень понравилось.

Вот только Кассарион заплакал, тут же все испортил. Если ее выгонят, миссис Виктория никогда больше так ее не погладит!

— Ну ничего, я исправлюсь и придумаю другую игру, которая ему понравится. — затараторила Джудит. — Честно говорю, только не увольняйте меня, пожалуйста! Я сейчас его успокою!

Джудит уже было двинулась к Кассиону, но Виктория вдруг остановила ее, подняв ладонь.

— Не надо, не подходи. Не нужно его успокаивать, — сказала она с придыханием.

— Но почему?! — почти взмолилась Джудит.

— Он раньше никогда не плакал, — словно завороченная, сказала мама трудного мальчишки. — Не плакал, Джудит! Только один раз, при рождении, когда его шлепнули по попе, чтобы он расправил легкие. А потом — никогда. Он не плакал по ночам, когда падал, и когда ранился и ставил занозы. Не реагировал на кошмары, не лил слезы из-за змей в саду... вообще никогда! Я знаю, что с ним что-то не так... я... — Виктория не сдержалась, и по ее щекам потекли слезы.

— Но дети всегда плачут, — удивленно сказала Джудит.
— Нет детей, которые ни разу не орали. Это...

— ...не нормально, — ответила за нее Виктория, тихо всхлипнув. — Это может означает кое-что нехорошее... А теперь он в первый раз заплакал! Значит, есть шанс, что он будет не таким асоциальным. Какое счастье!

С этими словами Виктория роняет лицо в ладони и уже начинает истошно рыдать.

Миссис рыдает, Кассарион рыдает, не может остановиться. Какой-то дурдом. Что самое ужасное, что Джудит и самой захотелось заплакать. Потому что ее погладили по голове, и потому что ее, видимо, точно не выгонят.

Но она-то не может себе этого позволить, профессионалы не плачут.

— Ну раз проблема только в этом, — почесала затылок Джудит. — Если хотите, я каждый день буду его доводить. Вы только скажите, я могу.

— Нет, не надо, — Виктория оторвала лицо от ладоней и замотала горловой. — Пусть все идет своим чередом. Не нужно делать ничего специально. Со временем вы подружитесь... я постараюсь, чтобы подружился... будете вместе играть, учиться... ссориться и мириться. Как делают все нормальные дети. Так вы научитесь жизни. Найдете общий язык, и Кассарион потихоньку социализируется, ведь у него совсем нет друзей. Как же хорошо, что все так сложилось. Ты молодец, Джудит. Ты такая большая молодец!

Виктория бросилась к Джудит, благодарно обняв девочку. Девочка обняла ее в ответ. Прикрыла глаза.

Совсем как мама. По крайней мере, Джудит показалось, что так должны была обнимать мама, если бы она у нее была. Так тепло. От нее пахло чем-то очень приятным. Кажется, чабрецом и еще какой-то летней травой.

Вместо того, чтобы кинуться к сыну и успокоить Кассариона, его любимая мама обнимает эту противную девочку. Неправильно, это плохо! Нужно было что-то сделать, как-то изменить эту ситуацию, но он ничего не мог.

Кассарион заревел пуще. Его голос заполнил всю кухню, а ведь она была достаточно большой. Децибелы набирали обороты, его голосовые связки дрожали, впервые за всю его жизнь почувствовав свою нужность. Кассарион рыдал, захлебываясь собственными слезами.

Ничто не могло его утешить.

Глава 5. Первое слово

За последние несколько дней Кассарион хорошо усвоил одну вещь. Когда он начинает плакать — мама тут же оказывается рядом, жалеет его, целует, называет хорошим любимым мальчиком. Самым-самым лучшим.

Кассариону это нравилось, поэтому он взял за правило плакать минимум раз в день, когда ему не хватало мамы, или он просто скучал. Противная девочка часто ошивалась где-то рядом, но малышу приходилось с ней мириться.

А через несколько дней началась какая-то ерунда.

Кассарион стал замечать, что мама о чем-то разговаривает с Джудит, машет по-странным руками в воздухе, рассказывает какие-то непонятные ему вещи. А затем он перестал видеть кошмары во сне.

Совсем.

Хлоп — и он засыпал глубоким сном без снов, как будто погружался в тягучий сладкий мед. Это ощущение отличалось от того, что дарила ему мама, когда гладила его по волосам.

Определенно, в этом была замешана девочка, но Кассарион никак не мог это доказать. Просто засыпал в определенное время и сладко спал до самого утра.

И чем дольше проходило время, тем глубже был его сон.
— Сон — самое главное, — услышал он как-то с утра,

успев выбраться из кровати прежде, чем заметили его пробуждение. Кассарион умел быть тихим и красться, как мышка. Он прошел в гостиную, наблюдая из-за угла. Мама опять о чем-то разговаривала с Джудит. — Сначала я научу тебя, как делать так, чтобы ему не снились кошмары. Это займет несколько дней, но нужно будет очень много тренироваться. Со временем ты всему научишься. А потом подумаем над тем, как вы сможете вместе играть.

Розовый столик? — нахмурился Кассарион. Ну уж нет! Уж лучше он будет есть каждый день лимоны и не морщиться.

Девочка стояла около Виктории прилежно, как отличница, сцепив руки за спиной и охотно кивала.

Коварная угнетательница! Вот бы поднять в воздух несколько стульев и запустить в нее, как только она отвернется. Джудит уходила ближе к вечеру, а он спокойно сидел у двери, ожидая ее возвращения.

Потому что ему нравилось подгадывать момент, когда она забывала о своем подавлении. Кассарион украдкой поднимал чашки в воздух, когда Джудит сидела к нему спиной, ела пирожные и ненадолго забывала о своих обязанностях. А затем кидал посуду, Джудит испуганно ложилась на пол и показывала ему кулак.

В этот момент мальчик чувствовал радость. Победу. Ему было весело, он улыбался и далеко убегал, пока девочка не догнала его и опять не посадила за розовый столик.

Однажды Кассарион заметил песочные следы на ковре в гостиной, но не обратил на это внимание. Затем песочные следы появились снова, и он понял, что творится что-то неладное.

Кто мог оставить эти следы? Неужели большой серый монстр, приходящий раньше к нему во сне?

Кассарион подозревал, что нечто странное творится именно ночью. А еще он подозревал, что мама и папа куда-то исчезают из дома. Только он не может подгадать этот момент, потому что спит.

Кассарион усвоил — если приходит толстая Глэдис в очках, храпящая в кресле, а Джудит остается до утра, значит, мама с папой уйдут из дома. Не бороться ли с песочным монстром?

Однажды папа пришел вечером с работы, кинул ключи в ключницу около двери и позвал маму. Потом они о чем-то долго перешептывались, мама тихонько похихикала и быстро переоделась в длинное голубое платье, а потом они исчезли.

Глэдис уже вязала в своем кресле, мельком поглядывая за подопечным, и Джудит была тут как тут со своими способностями. Кассарион притворился, что спит. Когда Джудит пришла его успокаивать, он уже всю сопел, а ночью вылез из кровати.

Он затаился в темном углу гостиной, словно хищник, ожидая, когда же придут мама и папа. Никто не мог увидеть,

где он находится — Кассарион вычислил, что в этом углу его замечают редко. Он сидел во тьме, поджидая песочного монстра, которого упустили его родители. Джудит спит, так что его способности никто не сдерживает — он убьет его так же, как убил уже кучу змей.

Но никакого песочного монстра не оказалось.

Родители ввалились в дом совсем неожиданно. Мама неистово смеялась, совсем как дурочка, прикрывая рот ладонью, подол ее голубого платья вымок в соленой воде, с отяжелевшей ткани градом валился морской песок. Папа выглядел не лучше: весь растрепанный, толстая лента на шее куда-то потерялась, а пиджака вообще не было, только белая рубашка, которая тоже вся промокла.

Кассарион никогда не видел отца в таком виде. Он всегда был чистым, аккуратным, и пуговицы всегда все застегивал, а сейчас выглядел каким-то хулиганом. Он гнался за мамой, а она почему-то убегала как-то неправильно, останавливалась на самом видном месте и снова смеялась, как будто у нее совсем нет ума.

Зачем смеяться, когда убегаешь? Зачем останавливаться, когда нужно нестись со всех ног? В этом же весь смысл!

Кассарион был настолько ошарашен таким поведением, что даже забыл заплакать. Так и сидел в темном углу, глядя на грязные песочные следы, что остались после родителей на белом ворсистом ковре.

А они тем временем, все так же смеясь и играясь с друг

другом, убежали по лестнице наверх.

Кассариону стало грустно. Из-за того, что ночью он пропускает самое важное, из-за того, что родители уходят куда-то без него, из-за того... из-за всего. Обида в нем росла, как снежный ком, несмотря на то, что ему перестали сниться кошмары.

А еще была нестерпимая обида оттого, что ему не удалось заплакать, когда он так этого хотел.

— Ты не представляешь, какой ты тяжелый, — ворчала Джудит, когда готовила ему не менее противную овсянку на кухне, такую же, как она сама. — Мне пришлось тащить тебя до кровати целый этаж! У меня чуть руки не отвалились. Не смей больше убегать.

На следующий день родители тоже пришла все мокрые, и на следующий, и на следующий тоже. В конце концов Кассариону это надоело. Хватит от него бегать. Хватит прятаться от него в ночи и смеяться, как дураки! Он хотел внимания, и на этот раз не спрятался в углу, а сел на самом видном месте.

Он расположился прямо посередине ворсистого ковра, твердо намереваясь устроить истерику. Такую истерику, какую они никогда не забудут. Кассарион был очень обижен.

На этот раз родителей не оказалось днем. Джудит сказала, что они пошли на какой-то "концерт". Толстая нянька-Глэдис заснула в кресле-качалке с вязальными спицами, тихонько похрапывая.

— А чего это ты тут делаешь, а? — слышалось за спи-

ной. Кассарион вздрогнул.

Он молчал. Не потому, что игнорировал противную девочку, а потому, что не мог говорить.

— А ну пошли наверх, Касс, уже поздно. Мне сказали уложить тебя пораньше. Ну чего ты так на меня смотришь? Твои родители скоро вернутся. Они будут ругаться, если увидят тебя не в кровати. Ну конечно, тебе то все равно. Тебя ругать никто не будет! — проворчала Джудит. — Мне придется таскать тебя вместо Глэдис, потому что она постоянно спит в кресле. А другие няни от тебя отказались. Смотри, какая ты капризулька — все боятся, что ты кинешь в них чашку.

На самом деле Джудит не знала, будут ли ее ругать. Просто по всей логике полагалось, что за такое нужно ругать, вот она и боялась. Хотя ни Виктория, ни Файрон не казались ей теми, кто сможет накричать за неповиновение их сложного сынишки.

Джудит склонилась над Касионом и попыталась поднять его с пола. Какой тяжелый. Раньше он казался ей легче. А! Он держится своими ручками за длинный ворс ковра и не хочет вставать. Кассарион накуксился, всеми силами сжимая ворсинки в руках. Джудит не смогла его подянтъ. Так они и пыхтели оба какое-то время, пока Джудит это не надоело.

— А ну отпусти! — начала упорствовать она, пальчик за пальчиком отцепляя детские руки. — Пусти и мы пойдем спать.

Кассарион держался как мог, стойко и отважно, пока его отдирали от пола, а в груди зарождалось что-то... что-то, что ему было так необходимо, потому что это невозможно было больше терпеть.

— Отстань, — сказал он внезапно, мотнув в сторону Джудит головой, будто пытаясь ее забодать.

Джудит от шока отцепилась от Кассариона и села попой на пол.

Вот те на... дела...

Она точно это услышала? Ей не показалось? Он что, сказал ей отстань?

Первое слово!

— Уходи!

Второе слово.

— Плохая!

Третье слово.

Целых три слова за несколько секунд, и все адресованы ей. И какие слова... «отстань», «уйди», «плохая», — Джудит очень хорошо расслышала.

Стало нестерпимо обидно — и почему это она плохая? Благодаря ей ему сейчас не снятся кошмары, и тетя Виктория стала больше отдыхать.

А потом Джудит вдруг подумала...

А что, если Кассарион скажет это, когда хозяева вернутся? Тогда первые слова их очень расстроят.

— Ой как плохо, — запричитала Джудит, схватившись за

голову. — Ой-ой как плохо!!!

Потому что его первое слово было не «мама», и даже не «папа», а «отстань»! Неизвестно, почему взрослые так волнуются, когда маленькие плаксы говорят свои первые слова, ведь это так глупо. Но для них это было очень важно, и если миссис Виктория услышит в свою сторону "отстань", или "уйди", и, не еще не хватало, «плохая», то будет совсем катастрофа!

Она же так расстроится, прямо до слез!

У Джудит даже мурашки пошли по спине. Холодные мурашки.

Она представила, как миссис Виктория вдруг слышит «отстань, плохая» и начинает заливаться слезами.

Последнее, что сейчас хотела Джудит — обидеть эту прекрасную тетеньку с ладонями теплыми, как у мамы.

— Слушай сюда, маленькая капризулька, — Джудит решительно выросла перед лицом Кассариона, которые скрипил свое лицо так, что ясно-понятно — он хорошо выучил слово «отстань». Хочет, чтобы отстала? Хорошо! Она отстанет, но получит от него другое первое слово. — Когда придет твоя мама, скажешь ей слово «мама», ты меня понимаешь? Я же знаю, что ты меня понимаешь. Можешь не притворяться, что дурачок, ты очень смышленный. Уже научился кидаться в меня чашками, когда я делаю послабее свою телепатию. Знаешь, как это делается? Это ведь сложнее, чем пазл. Нужно быть большой умницей, чтобы так уметь. Так

что ты меня не обманешь. Ну... ты меня понимаешь?

Кассарион, нахмурившись, кивнул.

— Скажешь слово «мама»?

Кассарион отрицательно покачал головой.

Пусть не надеется. Он не станет выполнять то, что она просит. Джудит не только контролирует его телепатию, но еще и кормит овсянкой на молоке.

— Ох, значит, не хочешь? — Джудит нервно прошлась по комнате, хватаясь за кудряшки на голове. Посмотрела в сторону Глэдис — та раскачивалась на кресле-качалке у дальней стены, и тихо похрапывала. На фиолетовой вязаной кофточке, прямо на большой груди, покоился журнал для вязания. Она, вроде, ничего не заметила. Не слышала этих ужасных слов.

— Ну что я тебе такого сделала, а? Ты все равно не ешь кексы, так что я ничего у тебя не отбирала, — словно взмолилась Джудит, — Уф... Ладно. Слушай, капризулька, а если я не приду в субботу, воскресенье и понедельник, а? Ну, заболел? Хочешь? А я не приду! Будешь делать, что захочешь. Убивать змей, пауков, изводить Глэдис. Только миссис Викторию не трогай, пожалуйста, она тебя очень любит. А еще скажи ей слово «мама», когда она придет, и я сразу заболел — обещаю! — Джудит поддела большим пальцем верхний зуб. — Зуб даю!

Кассарион перестал кривиться, с любопытством посмотрев на Джудит. То, что она говорит, было очень приятно. С

одной стороны, ему не в кого будет покидать чашки, а с другой...

— Так что, скажешь? — спросила Джудит.

Кассарион кивнул.

— Фух, вот и хорошо. А теперь не будь жутким пожалуйста, сядь на диван. Сегодня твои родители пошли на спектакль, они раньше должны прийти.

Пришли они примерно через час, Кассарион сразу вскочил с дивана, и побежал их встречать. Мама, на этот раз сухая и умная, обняла его, привычно поцеловав в щечку. Файрон оттянул галстук от шеи и улыбнулся:

— Сварить кофе? — спросил он, — Тысячу лет не пил кофе.

— Давай, — улыбнулась Виктория, — А мне чай заварить?

— Конечно, птичка, — Файрон чмокнул жену в губы, подскочил к сыну, поднял его на руки: — Ну что, полетели, боец?!

Так они долетели до кухни, пока отец не посадил сына за индивидуальный столик, дав ему сок.

Стены в кухне были выполнены под заштукатуренные кирпичи. Выглядело занятно, особенно когда лампы свисали с потолка, вытягивая от предметов загадочные длинные тени. Прямо как на стройке.

Отец семейства достал чашки, поставил вариться кофе в кофеварку. Пока он возился, Джудит невзначай прошлась

мимо Кассариона, встала за его спиной и пару раз неловко кашлянула в кулак.

Кассарион вздрогнул, и, раскрыв рот, вдруг произнес:

— Папа, — совершенно четко, так, что это слово уж точно ни с чем нельзя было спутать. — Папа!

— Ой дурааак, — тихо, едва шевеля губами, прошептала про себя Джудит.

Файрон промахнулся кофейником, пролив кофе мимо чашки. Громко звякнула ложка, упавшая на пол.

Отец уставился на сына, будто не верил в то, что сейчас услышал.

— Папа, — повторил Кассарион, потому что очень хотел, чтобы Джудит внезапно заболела.

— Касс... — выдохнул Файрон, медленно подходя к сыну. Он поднял его на руки и прижал к груди. Кажется, он сам сейчас потерял способность говорить. — Сынок...

Пока они там обнимались, Джудит хмурилась.

Вот тебе на. Кассарион сказал совсем не то слово, на которое они договаривались. Хотя мистер Файрон конечно-же доволен. Вон, даже начал часто моргать, как будто сейчас заплачет.

Ого... Джудит была поражена до глубины души. Она никогда не видела, чтобы высокий рыжий мистер когда-нибудь расстраивался. Да и радовался чему-то - тоже. Он редко улыбался, редко проявлял яркие эмоции, только когда разговаривал с миссис Викторией и катал Кассариона на спине. А

тут... он плачет. Это хорошо или плохо? Чего ей ожидать?

Виктория подошла к мужу и обняла его за плечи. Она погладила сына по голове, тихонько улыбнулась. Так они и стояли, обнявшись, Кассарион смотрел на Джудит из-за отцовского плеча.

Ну вот. Хорошо, что мистер Файрон доволен, но Виктория, как считала Джудит, была больше достойна первого слова. Она так намучилась с этим капризулькой, что совсем себя извела.

Нет, так не пойдет.

Джудит покачала головой и показала Кассариону кулак.

Они так не доваривались. Джудит заказала ему слово «мама», а не «папа», а этот шкодник все перепутал. Довольный мистер Файрон это, конечно, хорошо, но куда лучше довольная миссис Виктория. Файрон порадуетя и забудет, а Виктория будет помнить всю жизнь. Она это заслужила.

И вообще, мужчины всегда все забывают, хорошее или плохое. Джудит отлично это усвоила. Однажды Брайан подрался с Андреем с соседней улицы до кровавых синяков, а на следующий день уже стреляли вместе птичек из рогатки. Они даже не помнили из-за чего поссорились. Если бы Джудит с кем-то разругалась, она бы запоминала это на всю жизнь.

Ну уж нет, ей не нужны вечно забывающие все мальчишки. Ей нужна была счастливая миссис Виктория.

Кассарион нахмурился, сжал губки и посмотрел на Джу-

дит исподлюбья:

— Мама, — вдруг сказал он хмуро и замолчал.

— Боже! — вскричала Виктория и тоже заплакала.

В этой семье слезы означают совсем не то, что кажется на первый взгляд. Слезы — значит счастье, намотала себе на ус Джудит. И чем больше, тем лучше. Сейчас кухню заливал целый водопад.

Как хорошо все складывается. Все рыдают, все замечательно.

Жаль только, что ей прикидываться больной целых три дня.

Глава 6. Моя

Позади прекрасная ночь, впереди два отличных выходных, и сынок спит сладким, беспробудным сном до самого утра. Что может быть лучше? Что может быть более... непривычно?

В последние полгода Виктория совсем забыла, как это прекрасно, когда вещи в доме лежат на своих местах. Ложки не дрейфуют в воздухе, стулья не теряют ножки, пледы не обвязываются вокруг чайников и настольных ламп... а ножи не натягивают длинные цепи, пристегнутые к кухонному гарнитуру.

Да уж, им пришлось отдельно заказывать сверхпрочные цепи из нановолокна, чтобы оставить пару хороших ножей для приготовления домашней пищи. По-другому Кассарион поднимал их в воздух в первую очередь.

Хорошо, что он не может пока поднять такую тяжесть, как пудовые тумбы и широкие диваны, иначе Виктории пришлось бы совсем несладко.

А теперь — тишина, и любимый сынок не мучается ночью от кошмаров. Впервые за много дней она почувствовала себя полностью отдохнувшей. И, конечно же, основательно обласканной. Муж еще спал, утомившись от прошедшей ночи.

Виктория встала, приняла душ, пока Файрон еще сопел под ворохом пышного одеяла. Оделась в розовую рубашку,

бежевые домашние бриджи, белоснежные носочки, и только потом спустилась вниз. Завтрак приготовила своими руками — сегодня она достаточно отдохнула, чтобы начать, наконец-то, хозяйничать по дому. Больше никаких горничных. По крайней мере, у нее на кухне.

Кассариону так нравятся домашние блинчики... и Файрону тоже. В плане блинчиков у обоих Даркморов был полный консенсус.

Виктория напевала себе под нос, легонько пританцовывая, пока очередной блинчик шкварчил на сковородке. Сегодня Джудит не придет, так что программу на выходные придется придумать с учетом ее отсутствия.

«Жаль, — вздохнула про себя Виктория. — Я разработала такую отличную методику для интеграции... без Джудит ничего не получится — она там главный винтик. Придется пробовать, только когда девочка поправится».

Поправится...

И все-таки Виктория немного беспокоилась. И с каждой минутой беспокойство набирало силу.

Еще вечером Джудит позвонила, сказав, что у нее «немного болит животик», и она отлежится в теплой кровати.

«Наверное, конфет объелась», — предположила девчушка. И что у нее всегда так бывало, когда она лопала много сладкого.

Вот только Викторию не отпускало чувство, что что-то неладно, или станет неладно в очень скором времени. Она

не припоминала, что Джудит ела много конфет накануне, так что обычные колики тут не причём. Нарушениче диеты не наблюдалось. Вчера они сварили куриный суп с лапшой и испекли большой кекс с изюмом. К тому же девочка так сильно объелась, считай что впрок, что для конфет там просто не могло остаться места. Так что в вечернем меню не предусматривалось никаких конфет, а Джуди больше нигде не могла объесться сладостями.

Купить их? Конечно же, нет. Девочка предпочитала копить деньги на велосипед, а всю еду воровать из холодильника. Иногда она шарила по полкам в поисках карамели, или коробок с шоколадными колобками.

Зачем покупать что-то в магазине, если можно взять у них сколько хочешь?

Конечно, Виктория замечала пропажу еды, но ничего с этим не делала.

К еде Кассариона девочка не прикасалась, драгоценности в доме не пропадали, и вообще, все предметы в доме лежали на своих местах. Пока, конечно, их не передвинет сам Кассарион. Джудит все время ошивалась только около холодильника, и кроме еды больше ничего не брала.

Неужели она будет мешать ребенку брать вкусняшки? Конечно же нет. Но то, что Джудит заболела, Викторию очень беспокоило.

А вдруг у девочки живот заболел вовсе не из-за конфет, то из-за чего-то другого?

Ох... это же ужасно! Тревога все больше и больше набирала обороты.

Нужно ее провести и, если понадобится, вызвать врача.

— Поймал! — слышалось позади, и Виктория вздрогнула.

Затем неудержимая сила потянула ее назад, муж заключил в стальные объятия и поцеловал.

— Я не заметила, как ты спустился, — на выдохе сказала Виктория, муж оттеснил с ее плеча ткань рубашки, и чмокнул теплую кожу.

— Моя работа — быть незаметным и не оставлять следов, — проворковал Файрон, — Ну что, продолжим? Предлагаю развить ночную программу, съездив на дальний пляж Монтеры. На окраине есть прекрасный ресторанчик под открытым небом, — муж сверкнул синим взглядом. — С отдельными кабинками для отдыха...

— Неужели тебе не хватило ночи? — ответила Виктория, всем сердцем хотевшая согласиться, но...

— Мне всегда тебя не хватает.

— Сегодня никак, Файрон. Впереди выходные, Глэдис с семьей, так что у нас не получится побыть наедине даже пару часов.

— Это почему? — удивился Файрон.

— Джудит заболела. Она звонила вчера, сказала, что у нее крутит живот.

— Да уж, засада... печально, конечно. Но можно будет

взять Кассариона с собой, — Файрон задумался. — Туда, где народу поменьше и побольше булыжников, которых он не сможет поднять... ммм, как вкусно пахнет. Обожаю блинчики на завтрак.

— Я не о том, Фай, — вздохнула Виктория, выключив плиту. — Я волнуюсь за Джудит. Вдруг с ней что-то плохое? Я не могу оставить Кассариона одного, поэтому хочу попросить тебя ее проведать. Сходи, пожалуйста, выясни, что там. Вдруг понадобится врач? Я знаю, что она с бабушкой, и они, видимо, очень бедно живут. Вдруг не могут позволить себе врача? Сходи, милый, уладь все дела. Тебе же не трудно?

— Конечно нет, — пожал плечами Фаройн. — Но это дети, они всегда болеют. А на следующий день уже всю бегают. Я думаю все будет в порядке, а мы можем провести время вдвоем...

Файрон предпринял еще одну попытку затискать жену, но она очень ловко вывернулась, схватив тарелку с блинчиками. Показала их мужу: мол, еще одна попытка — и все, точно уроню. Тогда никакого вкусного завтрака, который ты так любишь.

— Намек понят, — усмехнулся Файрон, всеми силами пытаясь усмирить свою утреннюю игривость. — Только завтрака ты меня не лишишь. Поем и соберусь.

Внезапно раздался звонок в дверь. Потом еще и еще, пока тот, кто решил посетить семейную чету Даркмор с самого раннего утра вдруг стал звонить так рьяно и неистово, что,

видимо, искренне желал сломать им звонок.

— Ох, Кассариона разбудит, — всполошилась Виктория, побежав открывать настойчивому гостю.

Файрон лениво поплелся следом, засовывая еще горячий блинчик в рот.

— Мистер Лангерт? — удивилась Виктория. — Чем объяснены в такую ра... ох, с вами все в порядке?

Пожилой мистер Лангерт выглядел неважно: запыхавшийся, вспотевший, в запачканном свитере и порванными штанами. На его блестящей лысине алела небольшая царапина.

— А это вы мне скажите, в порядке ли я! — проворчал, нет, почти закричал раздраженный Лангерт.

Он скривил такое недовольное лицо, что впору было им пугать всех окрестных детишек.

— Полагаю... что вы совсем не в порядке, — обескураженно ответила Виктория. — Может, вам чем-нибудь помочь?

— Да, уж будто добры! — снова прикрикнул пожилой сосед. — Уймите своего сына. Сегодня утром он чуть меня не угробил!

— Ох, вы что-то путаете... — начала была Виктория, но тут в проеме двери появился Файрон и оттеснил Викторию внутрь дома.

— Проблемы, господин... простите, не знаю, как вас зовут. Господин сосед? — сверкнул синими глазами Файрон.

— Не очень-то вежливо вот так врывать в дом с утра пораньше и кричать на чужих жен, не находите?

Лангерт осмотрел Файрона с ног до головы и сглотнул тугой ком в горле:

— Простите, господин Файрон, я...

— Ах, вы знаете как меня зовут...

— Виктория сказала, как зовут ее мужа. Я уже заходил, так что кое-что о вас знаю.

— Ах, Виктория, — цокнул Фарон. — Заходили, говорите. Вот, значит, как... и что же у вас случилось, господин сосед?

— Лангрет Олсон, — сказал пожилой мужчина. — Простите, но так меня зовут. Я шел по дороге и мимо меня пролетела фонтанная статуя. Я так испугался, что свалился в канаву в чем был.

— А вам случайно не показалось? — Файрон поднял брови вверх. — Фонтанная статуя — это серьезно. Ни один ребенок не в силах поднять ее, тем более слабая трехлетка.

— Да, я знаю, господин Файрон, но... ни у кого в округе нет дара как у вашего сына, и тем более прецеденты с ним уже были, и не раз...

— Спасибо за информацию, я с этим разберусь, — Файрон так зловеще-дружелюбно улыбнулся, что Лангерт невольно кивнул и неловко улыбнулся в ответ.

— Ладно, разберитесь пожалуйста, а то глядишь в следующий раз кого-нибудь зашибет...

— Да, конечно.

— Хорошо, да-да. Ну, я пойду?

— Идите, — спокойно ответил Файрон и захлопнул дверь.

— Боже, — Виктория закрыла лицо руками. — Значит, Кассарион уже даже во сне поднимает предметы!

— Во сне поднять фонтанную статую? Ерунда.

— А вдруг он становится сильнее? — ужаснулась Виктория.

— Что за сосед? — вдруг спросил Файрон.

— В смысле? — не поняла Виктория, посмотрев на мужа большими невинными глазами.

— Лангрет. Он сказал, что уже заходил. Что вы знакомы, что ты «кое-что обо мне рассказывала», и назвал тебя по имени. Виктория. Не миссис Виктория, а просто — Виктория.

— Не понимаю... — сощурилась Виктория, пытаясь понять, к чему ведет ее муж.

Только после того, как он навис над ней, оттеснив к стенке у двери, до нее все-таки дошло. На правильные мысли ее натолкнула внезапная, стихийная реакция мужа на чужого мужчину в их доме, который назвал ее слишком фамильярно. Конечно, Лангерт забыл приставку «миссис» к ее имени только из-за страха, быть может, еще от стресса, но Файрону разве объяснишь?

— Боже, Файрон! Ему шестьдесят лет! Он пришел жаловаться на нашего сына! Что за глупая ревность?!

— Шестьдесят лет — отличный возраст для развлечений. Уже нет работы, но старость еще не одолела. Седина в бороде, бес в ребро, так же на Земле говорят?

— Не слышала о таком.

Файрон впечатал ладони по обе стороны от лица загнанной в угол жены, гипнотизируя ее своими горящими, полными ревности глазами. Рыжие реки волос ниспадали на плечи, стекая водопадами по спине.

— Надеюсь, ты помнишь одну простую вещь, птичка моя, — сказал он, не давая выскользнуть из своей ловушки. — Ты — моя. Не забыла ведь? Моя.

Виктория сжала кулачок и ткнула им в грудь мужа, уже пыхтя от возмущения:

— Так, Файрон Даркомор! — выпалила она, заставив его сделать шаг назад своей внезапной злостью. — Я не намерена выслушивать сцены ревности только потому, что мы давно не прорабатывали твою проблему. Думаешь, у меня есть на это время? У нас ребенок, знаешь ли, таскает по улице фонтанные статуи! Ты понимаешь, что это значит?

— Что? — обескураженно ответил Файрон, совсем не ожидая утренней злости от собственной жены.

— Что у нас проблемы! — выпалила Виктория. — Пока твоя голова забита ревностью, у нас, между прочим, намечаются огромные проблемы, — она распахнула руки. — Вот такенные! Что, если дар Касса совсем выйдет из-под контроля?! У него слишком сильные способности, а он нестабилен.

Из-за искажения его телепатии во время моей беременности дар может стать стихийным, и его уже никто не удержит. А если будут жертвы? А если... ох, ты подумал, что будет с нашим сыном?!

Файрон, и без того бледный, вдруг побледнел еще больше.

Кажется, сладкий морок прошедшей ночи и цепкая ревность утра начали спадать, и он, наконец то, начал конструктивно мыслить.

Вряд ли Лангерт соврал ему — это просто проверить. Сопоставить одно с другим, посмотреть уличные камеры, расположение предметов на его заднем дворе... В округе все знают, что он работает дознавателем, так что наговаривать на сына нет никакого смысла.

Старикан прав, на всей планете Омега наберется только два человека, имеющих боевую телепатию: Кассарион и еще один ребенок с другого района города. Получается, что бы не летало в воздухе, поднял это его родной сын.

Кассарион становится сильнее, его телепатия не поддается контролю, а вечное желание малыша убить мифических «змей» начинает походить на паранойю.

Можно допустить, что со временем его проблемы можно сгладить терапией, но все равно пройдет немало времени. А за это время может случиться все, что угодно. Если кто-нибудь серьезно пострадает, встанет вопрос об изоляции малыша. Файрон знал, такое уже бывало, и не важно, какой статус ты занимаешь, если твоя семья представляет угрозу для об-

щества. Ребенка могут сослать туда, где нет ни одного мыслящего существа, а в крайнем случае...

Нет, он даже не хотел об этом думать.

— Я за Джудит, — быстро кинул Файрон, уже расстегивая верхнюю пуговицу пижамы. Нужно было переодеваться и срочно двигаться в путь. — Если ей плохо, вызову врача.

После того, как муж ушел, Виктория напряженно опустилась на диван, с тревогой глядя в сад сквозь глянцевое плотное стекло, отделяющее пышную растительность от гостиной. На душе было беспокойно, чего уж говорить. Лишь бы с Джуудит все было в порядке. У нее столько планов в голове..., например, как структурировать телепатию Кассариона, чтобы она не набирала силу быстрее, чем его организм успевает расти.

Она не знала, чем это было вызвано. Природной силой Кассариона, или сдвигом телепатии при рождении, или чем-то совсем иным. Но одно она знала точно — телепатия Кассариона невероятно сильна, и без должного обучения может разрушить все на своем пути.

— Мама, — послышался сонный голос только что проснувшегося малыша. Кассарион спустился по лестнице, видимо, покинув свою кроватку. — Моя мама.

— Ох, малыш, — Виктория подняла сына на руки и расцеловала розовые щечки. — Любимый мой, сладкий.

Научился говорить...

— Моя мама, — повторил Кассарион, задумчивый, будто

размышляет о каких-то глобальных вещах, а потом посмотрел на маму хмуро. — Моя?

— Твоя, малыш, твоя, — вздохнула Виктория, поняв, что в это утро еще один Даркмор требует ее внимания.

Она их обоих очень, очень любит.

Главное, чтобы они не задавали вопросов одновременно.

Глава 7. Секрет, спрятанный в секрете

Прибрежный квартал находился в двадцати минутах езды. Файрон поразился, какое огромное расстояние преодолела маленькая девочка, чтобы добраться до их дома. Это не менее двух часов на самокате, тогда Джудит должны была вставать еще до восхода солнца, чтобы успеть ко времени. А, уходя из их дома, она, наверняка, возвращалась глубоко ночью. Странно, что ни Файрон, ни Виктория не подумали об этом. Ладно, жену можно понять — эти дни она находилась словно в другом мире, на границе сна и реальности. А он-то что? Файрон почувствовал стыд.

Дома в прибрежном квартале располагались кто как придется: здесь не особо заботились о правильности уличных линий, и уж точно не выкорчевывали лишние пальмы для того, чтобы дорога была прямее. Так, как принято в менее бедных кварталах пилигримовых поселений.

Автомобиль Файрона заглох сразу же, как весенняя чавкающая грязь попала в воздуховоды, достигнув внешнего слоя атигравитаторов. Элитный Моврэбсел сел воздушной подушкой на месиво, намекая, что сегодня Файрон испачкает глянцевые ботинки по самую щиколотку.

Через несколько десятков метров он остановился напро-

тив какой-то невысокой халупы с прохудившейся крышей, впрочем, не сильно отличавшейся от остальных. Хлипкие стены, сделанные из потрескавшегося старого кирпича, казались не такими уж надежными, веранда из пальмовой древесины наполовину сгнила. Этой завалинке лет сто, не меньше. Файрон преодолел небольшой огород с морковью и свёклой, расположившейся аккуратно перед домом. Поднимаясь по ступенькам, Файрон слышал подозрительный скрип у себя под ногами. Видимо, он был слишком тяжел для пола хлипкой веранды, и всерьез опасался за свою жизнь. Вот так провалится — и Виктория даже не узнает, куда.

Постучал в дверь.

Тишина.

Постучал еще раз.

— Госпожа Андерсон? — позвал Файрон, прекрасно зная, что бабушка девочки находится дома.

Перед тем, как принять на работу Джудит, он выяснил, что у женщины не было одного легкого, и она почти никогда не выходила за пределы своего дома. Разве что в огород, вырастить овощи.

Вообще, при приеме на работу Файрон многое узнал о Джудит, и некоторые вещи показались ему странными. Правда, он не особо уделял этому внимания, проблем хватало и без того.

— Госпожа Андерсон, прошу открыть дверь, мне нужно поговорить с вами, — Файрон не был намерен отступать.

Почувствовав, видимо, что настойчивый гость уходить не собирается, внутри что-то зашевелилось. Щелкнул замок, в небольшом проеме двери показалось недовольное лицо пожилой женщины. На голове ее высилась целая куча накрученных на седые волосы бигудей, ярко-красная помада выделяла на сморщенном лице ниточки губ, во рту дама держала нечто, похожее на сахарный леденец продолговатой формы. Цветастый халат, висевший на худощавом теле, был самым ярким, что Файрон видел за сегодняшнее утро.

— Ты кто такой? — недовольно прохрипела госпожа Андерсон. — Чего тебе надо?



Файрон только было открыл рот, но дамочка, видимо, не собиралась давать ему право голоса:

— Смотри, приглаженный какой. Ты из опеки? Иди к черту!

Перед носом Файрона захлопнулась дверь. Он снова постучал.

— Я не из опеки, — громко сказал он. — Я работодатель вашей внучки, она сидит с моим сыном. Джудит позвонила вчера и сказала, что заболела. Я решил проведать, все ли у нее в порядке.

Дверь снова открылась.

— Работодатель, говоришь? — сощурила один глаз дамочка. — А на кой тебе узнавать, как у нее дела? К нам еще ни один папочка не заходил, чтобы полюбопытствовать о самочувствии моей внучки. Смотри, как распинается у меня на пороге! А ну говори, откуда ты, иначе вышибу тебе мозги, у меня дробовик есть!

— Начнем с того, что у вас нет дробовика, — мягко улыбнулся Файрон, потому что невооруженным глазом видел, что бабка врет. — А во-вторых, я не вру. У нас проблемный сынишка, и помощь Джудит нам бы совсем не помешала. Поэтому, собственно, я и посетил вас. Я неплохо плачу Джудит, и...

— А, вы тот мистер, — вдруг догадалась госпожа Андерсон, видимо, наслышанная о щедром работодателе, у кото-

рого растет один очень капризный телепат. Женщина быстро поменялась в лице — стала более дружелюбной. — Ну, вы заходите, — она распахнула дверь. — А чем это Джудит болеет? Вечером с ней все было в порядке.

— Правда? — хмыкнул Файрон. — А я могу ее увидеть?

— Да пожалуйста, — прохрипела женщина, прошаркав вглубь дома потертыми домашними тапочками. — Идите сюда, она спит еще, наверное. Сегодня всю ночь занималась какой-то ерундой, читала или типа того.

Файрон прошел мимо выдавшего виды дивана. Наверное, на нем выросло не одно поколение, и умерло, скорее всего, еще больше. Гостиная была совмещена с кухней, которая, впрочем, выглядела бы довольно миленько, если бы не ржавый холодильник, в котором, уверен был Файрон, все равно ничего толком нет. Разве что пара морковок и свекла.

Дом был совсем небольшим. Аккурат над диваном, в потолке, зияла огромная дыра. Файрон удивился, что в таком тесном пространстве Джудит вообще досталось свое место.

Когда дверь в ее комнату распахнулась, девочка лежала на кровати в ворохе конфетных фантиков. Она так увлеченно читала какую-то книжку, что даже не заметила, как он вошел.

— Джу, к тебе пришел мистер... — госпожа Андерсон посмотрела на Файрона. — А как вас зовут?

— Файрон Даркмор, — улыбнулся Файрон, глядя на обомлевшую Джудит. Она так и раскрыла рот, зажимая в руках

большую шоколадную конфету «Сладкие грезы» — именно так назывался набор, который он купил жене накануне. Джудит и его стащила. — Можно просто Файрон, попрошу без официальщины.

— Ну как хотите, — прохрипела женщина. — Джу, ты чего это так скукожилась? Поздоровайся с гостем.

— Здравствуйте, — прошептала Джудит, словно оцепеневшая. — А я вот тут...

— Болеешь, — скептически заключил Файрон. — Я вижу.

— Нет, я лечусь, — обескураженно ответила девочка.

— Чем? — усмехнулся Файрон. — Конфетами?

— Угу, — медленно кивнула Джудит, словно кролик, смотревшая на удава. — Клин клином вышибает...

Файрон окинул комнату ленивым взглядом: маленькая каморка, с детской кроватью, детским шкафом и детским столом. Тут все было детское — взрослое бы здесь просто не поместилось.

— Вот, значит, как, — покачал головой Файрон, сжал и разжал пальцы, скрипнув кожаными перчатками. — Знаешь, юная леди, я не буду вдаваться в подробности, зачем ты обманула нас, просто хочу знать, намерена ли ты дальше сидеть с Кассарионом?

— С этим ужасно упрямым капризулькой? — Джудит шмыгнула носом, кинув все-таки конфету в рот. Не выбрасывать же ее. — Буду. Вот назло ему буду. Хотя он обзывает меня всяким нехорошими словами. Только не сегодня, ми-

стер Файрон, завтра. Ой, послезавтра.

— И почему же такой странный отрезок времени? — удивился Файрон. — Я вижу, ты не очень-то страдаешь от колик в животе.

— Ну... так надо, — уклончиво ответила Джудит, сгребая фантики с постели. Ей показалось не очень приличным показывать масштаб ее преступления. Хорошо, что другую коробку она спрятала в тумбе. — Простите, мистер Файрон, я не специально! Я все возьму, обещаю. Куплю новые конфеты.

— Без надобности. Это всего лишь конфеты. Хм... — задумчиво протянул Файрон, задрав подбородок. — Значит, Кассарион тебя обзывал, говоришь? Обзывал, значит не хотел тебя видеть. Видимо, это и причина конфликта. И ты ушла. Обиделась? Вряд ли. Тогда ты бы не назвала такие четкие рамки своего отсутствия. Значит, вы о чем-то договорились, и твое отсутствие было частью вашего договора. Я знаю, Касс очень смысленный мальчик, несмотря на возраст. Он вполне мог пойти на диалог. Вот только о чем была сделка? — сощурился Файрон.

У Джудит глаза стали как два блюда. Она краем уха слышала, что Файрон Даркмор работал дознавателем, правда не представляла, в чем заключается данная профессия. А теперь понимала, что зря она не спросила, что означает это слово. Ну теперь она и сама догадалась. Она столкнулась с ним лицом и к лицу, и теперь ее допрашивают. Жуть просто,

что же делать?!

— На самом деле все это ерунда, — по-доброму улыбнулся жуткий мистер. — Детские дела — это детские дела. Все забывается, все стирается. Можете хранить свои секреты, вмешиваться я не буду. Но мне нужно знать, что ты готова продолжать свою работу.

— Я готова, — медленно кивнула Джудит, прижавшись спиной к шкафчику, обклеенному розовыми цветочками и мордашками забавных мишек. — Подумаешь, упрямый теплат. Я и не с такими задирами справлялась. Бывало и похуже. Кайл, например, все время отбирал рюкзак у меня в школе.

— Надо же. И что же ты сделала, юная леди? — вежливо спросил Файрон.

— Я дала ему в нос.

— Оу... видимо, насчет «леди» я поторопился... но нет ничего невозможного. Мы над этим поработаем, — Файрон повернулся к бабушке Джудит, увлекательно наблюдавшей за диалогом. — Госпожа Андерсон, мы закончили. Могу я поговорить с вами пару минут?

— Пошли, — махнула рукой женщина, и поплелась в гостиную. — Меня зовут Кэролайн, можно просто Кара.

Кара взяла разделочную доску и принялась чистить морковь. Видимо, домашние дела она решила совместить с разговором. Файрон подошел к ней, встав четко напротив. Некоторое время он наблюдал, как Кара увлеченно крошит

овощи.

— Вы уж простите, чай не предлагаю, — сказала она. — Нет у меня чая.

— Я вижу, у вас достаточно трудное положение, — начал Файрон. — Это бедный квартал, тут живут только люди без дара. Как так получилось, что девочка-телепатка оказалась в такой ситуации?

— Как получилось, так получилось, — проворчала Кэрлайн. — Родители малышки умерли шесть лет назад, отправились вместе на задание, и адью! — Кара смахнула очистки в раковину. — Мой милый сыночек... он все, что у меня было. Он с женой погибли в перевале Доэрти, там...

— ...сошла сель после проливных дождей. Я изучал материалы происшествий, — кивнул Файрон. — Джудит сказала, что он был лейтенантом.

— Так и есть, был, — согласно кивнула Кара. — А теперь его нет. Эх, — вздохнула женщина. — Я же болею, мистер Файрон. Всю жизнь курила, а вот теперь приходится расплачиваться за свои ошибки.... После смерти сына нам пришлось разменять хороший дом на эту халупу, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Лечение стоит дорого. У меня же нет одного легкого.

— Это я знаю, — кивнул Файрон. — Вы лишились органа из-за упущенного рака.

— А когда мне было его ловить? Я была убита горем! — Кара отерла глаза, смахивая слезы. — Я же сама сирота, и

кроме сына у меня никого не было. Теперь мы с Джудит остались вдвоем, она — все, что у меня есть.

— Тогда скажите мне... вы знали, что он врет и ворует?

— Файрон понизил голос, чтобы никто его не услышал.

Кара резко подняла нож, сунув его Файрону под нос:

— Не надо читать мне нотации, богатый мальчик! Я пожила достаточно на этом свете, чтобы самой разобраться что к чему! Я хорошо воспитываю свою внучку. Думаете, честь и достоинство для нас пустой звук? Джудит не возьмет ничего такого, что принадлежало бы другому. Если это, конечно, не еда. В этом я даю ей полную свободу. Ну, а что? Ребенку нужно расти! Долго на одной морковке не протянешь.

Файрон чуть отстранился, пораженный такой воинственностью пожилой женщины.

— Я хорошо плачу Джудит, у вас должно набраться достаточно средств, чтобы забить холодильник.

— Внучка отдала все деньги на мое лечение. Часть на лекарства, часть на покрытие долгов по страховке. На военное пособие после смерти моего сына особо не разгуляешься. Я знаю, она хотела велосипед, но так уж получилось. Она сама настояла, Джудит очень меня любит.

Файрон постоял еще немного, молча и задумчиво, оглядывая сиротливое, куцее убранство комнаты: длинный торшер с подбитым плафоном, потертые временем тумбы, теле-проектор неизвестного поколения с отсутствующими пикселями...

И все то время, что он находился в этом доме, его не покидало странное чувство неестественности, чего-то странно-го, неправильного... что-то здесь не так. Только он не мог пока понять, что именно. Но еще чуть-чуть, и его натренированный мозг дознавателя сам найдет ответ, хочет он того или нет. Нужно только дать ему немного времени... хватит и нескольких минут.

— Кэролайн Андерсон, — мягко обратился Файрон, нарушив наконец тишину. — Дело в том, что мой сын... как бы это сказать... пострадал при зачатии.

— В смысле? Это как? — проворчала женщина.

— Помните похищения, которые происходили на Омеге несколько лет назад?

— А, это, — ответила Кара. — Помню, как не помнить. Вся планета на ушах стояла.

— Так вот, — тяжело вздохнул Файрон. — Мы с женой расследовали это дело. И так получилось, что некоторые обстоятельства... кхм... повлияли на нашего сына. В момент оплодотворения яйцеклетки, произошедшего через некоторое время после первой брачной ночи, Виктория находилась под воздействием разрушительных телепатических сил. Это повлияло на Кассариона, его телепатия оказалась безнадежно сломана, — в голосе Файрона скользнула грусть. — Это не лечится, Кэролайн. Можно только как-то скорректировать, или... обуздать.

— Что, такая большая проблема? Что за телепатия у ва-

шего сына?

— Боевая.

— Ооо... — понимающе протянула Кара. — Плохи ваши дела.

— Я сделаю для своей семьи все, — сжав зубы, процедил Файрон. Видимо, ему было больно об этом говорить. — Все — я имею ввиду все. Подавители телепатии запрещены детям до 15 лет, и я не рискну подвергать Кассариона такому испытанию. Поэтому помощь Джудит нам очень нужна. Не волнуйтесь, я сделаю все, чтобы вы ни в чем не нуждались. Отремонтирую вам дом, Джудит получит хорошее образование, научиться манерам ей бы тоже не помешало... а вот вы будете наблюдаться у лучших врачей. В вашем положении трудно будет дожить до совершеннолетия внучки. Но с моей помощью, обещаю, вы еще погуляете на ее выпускном.

Кара посмотрела на Фарона с надеждой. В глазах ее заблестели слезы. Конечно же, как можно оставаться равнодушной, когда узнаешь, что сможешь выпустить в большую жизнь родного тебе человека, и не ждать своей смерти каждое утро?

— Ну раз так, господин Файрон, пусть будет по-вашему. Слишком уж заманчивое предложение, чтобы я от него отказывалась.

Улыбнувшись, Файрон одобрительно кивнул... и что-то внутри него щелкнуло.

Ведь несколько минут прошли, и его мозг снова сделал

всю работу за него самого.

— Кэролайн, — начал он, слегка сощурившись. — Вы сказали, что вы сирота. То есть, у вас не было семьи, кроме сына.

— Угу.

— А у его жены? Как ее зовут?

— А какая разница? — насторожилась Кара.

— Наверное, никакой, но все же... видите ли какое дело, я могу знать род, которому она принадлежит.

— Это вряд ли.

— Ошибаетесь. Скажем так... телепатия — довольно редкое явление, и на Баллу насчитывается не более восьмидесяти тысяч человек со способностями. Конечно же, все они имеют дворянские фамилии. С недавнего времени мы начали заключать браки с землянами, но процесс размножения, объективно, идет медленно. Вряд ли телепатов будет очень много, даже несмотря на смешанные браки. Моя жена, к примеру, из рода Индилов. Ее прабабушка баллуанка влюбилась в земного генсолдата еще в период первой оттепели между нашими планетами. Так что любой телепат имеет свои корни. Четыреста дворянских фамилий — не так уж и много, чтобы запомнить каждого из высоких домов. Нас учат этому детства.

— Смотри-ка... какой вы, — недовольно проворчала Кэролайн, раздраженно сгрудив морковку в пакет. — Да там ничего особенного. Я даже не помню толком, — отмахнулась

она. — Какая-то захудалая семейка на окраинах гор. Столько лет прошло, покуда мне знать?

— Но имя-то своей невестки вы помните?

Кажется, вечно бдящее чутье дознавателя активизировалось, выудив приглушенное чувство неправильности из глубин души. Теперь Файрон не упустит свою добычу — просто не умеет. Даже если он разожмет челюсти, зубы все равно останутся в теплой плоти.

— Помню, конечно, как ее зовут...

— Тогда скажите. Мне нужно имя.

— Да чего пристали-то? Обычная девчонка, каких на Баллу пруд пруди, из какого-то там нищего рода, который сам концы с концами едва сводит. Втюхалась в моего сына, поженились, дочку родили.

— Правда? — с нажимом спросил Файрон. — А почему тогда вы так напряжены? Я чую страх, Кэролайн. Чего вы так боитесь?

Глава 8. Верность любви

— Вы же такой дотошный господин, можете посмотреть в личном деле моего сына, как зовут его жену. Джудит сказала, что вы работаете где-то на базе. Может, вам помогут. Или могу документы показать, раз уж так неймется. Ее звали Кейда Айгало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.